

*Человек,
судьба, эпоха...*

*Ежегодный литературный конкурс
духовно-философской, гражданской поэзии и прозы
им. В.Г.Белинского*

Литературный альманах

Выпуск 1 - 2

Харьков 2012 г.

УДК-82-1(470+571+477)(059)
ББК 84 (4РОС=РУС)6-5+84(4УКР=УКР)6-5
Ч-39

Ч-39 «Человек, судьба, эпоха...». Ежегодный литературный конкурс духовно-философской, гражданской поэзии и прозы им. В.Г.Белинского: Литературный альманах. Вып.1-2. - Харьков: 2012 - 60 с.

В литературный альманах вошли стихотворения и проза победителей литературного конкурса духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек, судьба, эпоха...» им.В.Г.Белинского 2011-2012гг.

Авторы размышляют о дружбе и любви, о счастье и смысле жизни.

(Издается в авторской редакции).

ББК 84 (4РОС=РУС)6-5+84(4УКР=УКР)6-5

В 2011 году Центральная городская библиотека им. В. Ф. Белинского широко отмечала 200-летие со дня рождения великого русского литературного критика Виссариона Григорьевича Белинского, имя библиотека с гордостью носит уже много лет.

К юбилейной дате сотрудниками Центральной городской библиотеки им. В. Ф. Белинского и сотрудниками Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Ф. Короленко были подготовлены и с большим успехом проведены литературные чтения «Неупоминный искаатель истины...», в которых принимали активное участие харьковские литературоведы, писатели, поэты, историки и краеведы.

9 июня 2011 г. в торжественной обстановке были подведены итоги литературного конкурса «Человек, судьба, эпоха...», который был объявлен Центральной городской библиотекой им. В. Ф. Белинского и Союзом писателей России (харьковское отделение) к 200-летию со дня рождения Виссариона Григорьевича Белинского.

Тогда в литературном конкурсе приняли участие 8 харьковских поэтов, которые посвятили свои стихи талантливому литературному критику.

Дипломом 1 степени была отмечена харьковская поэтесса Анна Пятак; Диплом 2 степени получил автор-исполнитель Юрий Ильинев; Диплом 3 степени разделили поэтессы Ольга Андрус и Ирина Конихина.

В этом году литературный конкурс духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек, судьба, эпоха...» проходил в 2-х номинациях: «Поэзия» и «Проза», приняли участие в нем уже 87 поэтов и писателей из 12 городов Украины и России.

С 2012 года литературный конкурс «Человек, судьба, эпоха...» стал ежегодным и носит имя Виссариона Григорьевича Белинского.

Праздник был открыт литературно-музыкальной композицией, которая перенесла всех присутствующих в первую половину 19 века, в то время когда жил и работал Белинский, а названием композиции послужила строка великого критика «Мысли наши о долге, справедливости и правде...».

В литературно-музыкальной композиции принимали участие: автор и ведущая поэт Анна Пятак; мастер художественного слова Андрей Яненко; преподаватели ДМШ № 13 им. Н. Коляды: солистка — Светлана Коленцева; концертмейстер — Марианна Фищенко.

Поздравить победителей и участников литературного конкурса «Человек, судьба, эпоха...» пришли почетные гости: представитель Департамента культуры Харьковского городского совета Бурда Евгений Павлович, президент благотворительного фонда «Спаси и сохрани» Картавых Вячеслав Иванович и главный редактор журнала «Славянин» Мацулин Леонид Иванович.

Мы искренне поздравляем всех участников литературного праздника и призываем в следующем году принять участие в ежегодном литературном конкурсе духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек, судьба, эпоха...» им. В. Ф. Белинского.

ПОБЕДИТЕЛИ ЮБИЛЕЙНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «ЧЕЛОВЕК, СУДЬБА, ЭПОХА...»

ЛИНА ПЯТАК - поэт
Диплом 1 степени

Белинский
Диптих

Сойду я скоро в мрак могильный...
Надежды нет ...
Не на земле – в журналах пыльных
Оставлю след.

Друзья запомнят глас мой громкий,
Спор до зари.
Как знать, оценят ли потомки
Дела мои?..

Я не терпел словесной дури.
Талантам рад,
Всю жизнь служил литературе,
Лишь как солдат.

А может статья, в чем-то малом
Был выше чин?
В статейной службе генералом
Я был один?

Эх, мне бы силы исполинской!..
Сдержал бы стон...
За сим Вам кланяюсь,
Белинский Виссарион.

В веках спрессованы события:
Срок для забвения не мал.
Но чтобы стал великим ... критик, -
Такого мир еще не знал!

Жаль, что ушел он слишком рано,
Что не дожил до лет лихих...
Писал Белинский не романы,
Не повести и не стихи.

Статьи в наследство нам оставил
Неистовый Виссарион.
Никто так Пушкина не славил,
Никто не понял так, как он.

Его ценили Гоголь, Герцен,
Некрасов, Тютчев, Гончаров,
Ведь был он критиком – от сердца
И – покорителем умов.

Он мог быть пылким и суровым,
Как на дуэль, идя на спор.
До абсолюта! власть над словом –
Его заслуга до сих пор.

Мечтал он о стране свободной,
Где счастлив каждый гражданин.
И всё же критиком народным
Из многих стал лишь он один.

ЮРИЙ ИЛЬИЧЁВ - автор-исполнитель
Диплом 2 степени

Цветут оливы пышным цветом в Греции,
В России солнце расцветило день.
Наверное невдомёк потомкам гения
Как пахнет на их родине сирень...

Как соловьи поют в садах вишнёвых
И барабанит по зелёной крыше дождь,
Как плачут соком белые берёзы,
Каким безумием черёмуха цветёт...

Каким бывает воздух в рощах сладким,
Как травы первоцветье медом льют,
Как у колодцев голуби судачат
И ласточки под крышей гнёзда вьют...

Цветут оливы пышным цветом в Греции,
В прибрежный камень тихо волны бьют...
Благослови Господь страну, дающую
Скитальцам вечным благостный приют...

ИРИНА КОНИХИНА - поэт
Диплом 3 степени

В глуши забытой Черноземья,
Среди лесов, среди равнин,
Из святцев имечко приемля,
Вознесся твой, Россия, сын.

Один из многих, Но, единый
В труде, таланте и судьбе,
Он остается исполином
В своем служении тебе.

Что ж он успел сказать потомкам
За очень краткий жизни срок,
О чем поведал смело, громко,
Что он хотел и что он смог?

Хотел он счастья для народа,
И для народа он творил.
В нем билось сердце патриота,
Он смело правду говорил.

Прочтением, оценкой строгой
Он осознал в тревожный час,
Как Пушкин, Лермонтов и Гоголь
Бесценны и важны для нас.

Он был вождем для демократов
И предсказал расцвет страны.
Во след идущие стократно
Его приветствовать должны.

Нужда брала его за глотку,
Но все он смог перетерпеть,
А каторгу ему чахотка
Успела заменить на смерть.

С тех пор прошло так много лет,
Но он по-прежнему нам близкий –
Борец, глашатай и эстет –
Ведь он Виссарион Белинский.

ОЛЬГА АНДРУС - поэт
Диплом 1 степени

Автор двух поэтических сборников. Образование высшее, по профессии программист, коренная харьковчанка. «Рождена я на Диком поле, где любили предки мои. Их мятежная жажда воли бродит хмелем, кипит крови...»

Чужие ангелы

В далеком призрачном краю
Чужой планеты
Чужие ангелы поют.
Ну, где рассветы?
Не спится мне, не спится им,
Луна мешает.
Над городом Нахараим
Зеленой шалью
Струится бледный нежный луч,
Неразделимо
Сплетается с грядой туч
И мчится мимо
Моей судьбы, моих тревог,
Моей печали.
А я всё жду, и видит Бог,
Как мы устали.
В далеком призрачном краю
Чужой планеты
Чужие ангелы поют.
Ну, где рассветы?

Город и небо

Ощетинясь, столбы, словно копыя,
город в небо вонзает. На грязь
улиц суетных белые хлопья
опускаются, тихо кружась.

Заискрились дома, Тротуары
под ногами скрипят чистотой,
бродят в скверах влюбленные пары –
суматоху сменяет покой.

Я смотрю сквозь заснеженный город,
мимо крыш и потоков машин,
на огонь, что так трепетно дорог,
мягко льющийся с горних вершин.

Увертюра

Парк, птицы бродят по аллеям,
Блестит умытая трава.
И небо, силы не жалея,
Захлестывает синева.

Еще шумят, искрясь, фонтаны,
Цветы притягивают взгляд.
Щемящей яркостью обманной
Тревожит душу листопад.

Если можно...

От нечаянной суеты,
Неприкаянной маеты,
Перепутавшихся дорог,
Отведи, если можно, Бог.

От понятий «чужой» и «свой»,
Бесконечных нелепых войн,
Ненавидящих детских глаз
Защити, коль не поздно, нас.

Кто прекрасен, а кто убог –
Мы все разные, сжался, Бог,
Упаси, охрани народ,
Если стоим твоих щедрот.

Андрею Рублеву

Час пик, перекресток, затор.
За каменную стеной
уютный запрятался двор.
Войдешь и замрешь: покой,
струится прохладой закат,
туманятся облака,
цветочный скользит аромат,
а может, плывут века.
Забывчивость – свойство людей,
их память, как тень луны.

Ты выше мирского, Андрей.
и в святости тишины
пылает, как прежде, заря.
Касаюсь рукой? душой?
стен древнего монастыря,
расписанного тобой.

Мальчишка лет двадцати.

Канал Грибоедова, тень, облака.
Сминая сердца покой,
мелодия тонкая издалека
над темной плывет водой.
Застыли прохожие, город умолк,
затих, перестал дышать.
Струится по улице нежности шелк:
так музыка хороша.
Прозрачное небо, неяркий закат.
Немею, нет сил уйти.
Играет на флейте слепой музыкант –
мальчишка лет двадцати.

Боль

Поезд. Гудком расстрелян,
вмиг посерев, закат...
Мне б заморочить время
и повернуть назад.

О, не молчи

О, не молчи! Нет проку в болтовне.
но как преступно может быть молчание!
Когда Твои слова звенят во мне,
бесстрашней бьется сердце и отчаянней.

Все говорят, что ложь таят слова.
не может истина быть словом молвлена...
От Иоанна. Первая глава –
в начале было Слово – Слово огненно.

Прощание

Ветер волосы мне ерошит,
Солнца луч коснулся лица.
Берег золотом припорошив,
Брызжет огненная пыльца.

Как прекрасен, и как беспечен,
Терпко-пряный южный закат.
Почему же сентябрьский вечер
Тонким флером грусти объят?

Склон горы вот-вот солнце скроет,
Тень пурпурная лижет мол.
Я тихонько прощаюсь с морем.
Слезы падают в шелест волн.

Нараспев

Нараспев поет муэдзин,
На восток лицо обратив.
Голос манит, душа – за ним
Дерзновенный в небо порыв.

В золотой горячий песок
Упадет тихонько слеза.
Горизонту наискосок
Голубые волны скользят.

В синеве плывут купола.
Растревожив сердца покой,
На вечерне колокола
Увлекут в полет за собой,

Белоснежный дрогнет цветок,
От заката чуть заалев.
А сейчас, лицом на восток,
Муэдзин поет нараспев.

Вольный ветер

Пух тополиный – в небо вихрем.
Ветвями землю гладит ива.
Трава, со стоном сладко-тихим,
Струится мягко, шаловливо.

Танцует хмель вакханкой юной,
Хвостом павлина машут тучи,
Прибой лобзает жадно дюну,
Свистит песок, срываясь с кручи.

Волна с коварством дикой кошки
Крадет расставленные сети.
От счастья захмелев немножко,
Гуляет ветер, вольный ветер.

ТАТЬЯНА СТОГОВА - поэт
Диплом 2 степени

Харьковчанка, металлофизик, кандидат технических наук. Автор множества публикаций в журналах, альманахах и коллективных сборниках, а также четырех книг: «Песок мгновений», «Растает день», «Улетающее лето», «В плену у красок и созвучий». Лауреат, дипломант и член жюри ряда международных поэтических фестивалей: «Чеховская осень», «Илья Сельвинский в наших сердцах», «Планета друзей». Член Межрегионального Союза Писателей Украины и Конгресса Литераторов Украины, а также Нью-Йоркского клуба Русских писателей.

Мне сегодня подумалось:
Жизнь моя-экстренный поезд,
А назад не вернулся
Никто ещё никогда.
В этом мире подлунном
Ёще до конца не освоюсь,
Мчится ,ритм отбивая на стыках,,
Не зная,куда.
Перелески мелькают,
А поезд задумал немного:
Он стремится успеть
Научить,и помочь,и спасти...
Вот безумец,его по ночам
Донимает тревога:
Там же terra incognita,
Помощь -ну, как донести?
Нет заботливых проводниц,
правит бал там разруха,
И красавец титан
Позабыл,как готовить чай...
Налипают на окна
Всю ночь белоснежные мухи.,
Но летит он на свет,
Там искрятся дороги мои!

Спросили Вы, что делаю на даче...
А ничего!
Но там живут мечты.
Листаю Мандельштама наудачу,
Над долею Марины горько плачу,

Да над строкою бьюсь до темноты.
Багровый шар уйдет за лесу кромку,
Желанье загадаю в звездопад
Стихи летят ко мне наперегонки.
Все ночь покроет покрывалом тонким
И лунным серебром осыплет сад.
Спросили Вы: «А разве так бывает?»
Морфей мне щедро посылает сон,
Цветы и травы душу исцеляют,
А ночью птичьи трели оглушают –
Их соловьиный дружный унисон.
И век спустя – все будет неизменно,
Как было сотни лет тому назад.
Стихи, душа и мысли – все нетленно,
Средь миллионов звезд, по всей Вселенной
Корабликом плывет мой лунный сад.

Как целомудренно чиста бумага!
Поэт, не торопись её марать,
Порой для общества нет выше блага,
Чем не открытая тобой тетрадь.
Нахлынут рифмы скоро и не позже,
Чем бой часов иль пенье петуха-
Тогда негромко и чуть-чуть тревожно
Вдруг зазвучит мелодия стиха
А коль поймал свою Жар-птицу рифму,
В соцветье строк сумев её вплести,
То поплывёшь, не замечая рифов
На трудном неизведанном пути,
Но только, если есть, о чём поведать.
Тогда скворчонок рвётся из груди,
И ничего с собою не поделать...
И да поможет Бог! Не навреди !

Светло и холодно. Почти не больно.
Свободы крылья трепетно легки.
Скулит разлука...
Но с меня довольно,
Что ветер ласково касается щеки,
Что на ветвях в моём саду русалки,
Синицы бережно клюют с руки,
А у метро уж продают фиалки
Последним заморозкам вопреки...

Твои аккорды – октября примета.
Под нежный аккомпанемент рассвета
Сыграй мне осень, дождик- пианист!
В шкафу скучает пляжный красный зонт,
Уж третий год ему лишь снится море...
И ласты, маска спят на антресоли,
И тучами затянут горизонт.
Но крыши рядом – в волнах тополей
Плывут куда-то без забот и горя.
Что время им? Плывут, с судьбой не споря,
Как палубы воздушных кораблей.
Сыграй мне утро, дождик - пианист!

Фортепьянит дождь по мокрой крыше,
Контрабасит ночью гром в окно.
В музыке, ниспосланной мне свыше,
Лейтмотивом - радость все равно!
Неожиданно вернется радость,
Встанет радугой над серым днем,
А нужна всего такая малость:
Две синицы за моим окном,
Свечи белоснежные каштанов
В зелени разлапистых ветвей,
В утренних медлительных туманах
Колыханье солнечных лучей,
А в прозрачном дачном Зазеркалье –
Отраженья дорогих теней...
Он прозрачен и непознаваем –
Мир цветов и ласковых ветвей.
Облака, как белые фелуки,
Прямо на закат плывут они.
И твои надежнейшие руки,
Словно безопасности ремни.

Осенняя листва танцует вальс
Доверчиво, не ведая обмана.
Еще раскрыты веера каштанов,
Уходит лето медленно от нас.
Куда уходит? Трудно разглядеть.
В какие неразгаданные дали?
Нас ждет другая сторона медали -
Увы, деревьям выпало стареть.
Ах, этот сумасшедший листопад -
Последнее дыханье чудо-лета,
Что не одной родной душой воспето...
Слова надежды шепчем невпопад,
Надеемся, что это - не конец.
Хоть далеко до синевы апреля,
Полгода лишь - и зазвучат капли,
Весна настанет - так велел Творец.

ПАМЯТИ МУЖА

Весь мир померк

Дай мне знак из Зазеркалья--
Не грустишь ли без меня?
Помнишь, как для нас играли
Блики рыжего огня?

Может, в этих желтых листьях
Кроется твоя печаль?
Или это просто письма
С просьбой собраться вдаль?

А бывают там туманы?
А покрыт ли луг росой?
Есть ли жуки-великаны
Под Летейскою водой?

Ну, а здесь-твои этюды,
Камни, серые дожди,
Фото, письма..Но оттуда
Нет возврата.Подожди

И назначь скорей свиданье
Через год иль десять лет.
Безнадёжного прощанья
Больше нам не надо,нет!

Попрощаюсь я с друзьями,
Ждёт уж лодочник Харон:
Там .за дальними лесами,
Слышу я печальный звон.

Дай мне знак из Зазеркалья,
Прошепчи мне: «Это я»,
Чтоб мы снова увидели
Блики рыжего огня!

Над тополями заалел рассвет,
Сквозь плотный занавес вползало утро
Небрежно в комнату, как гость незванный.

Но теплота постели не пускала
Нырнуть в жестокость и беспутство дня.
Защитник-сон соломинку послал
Заботливо, немного безучастно.

И всплыли образы прошедших снов:
Тот городок чужой над речкой сонной
С унылейшим названием – Торжок ...

Домишки сирые над глинистым обрывом
Повисли неустойчиво и шатко.
Казалось, что обрушиться должны
Они вот-вот, быт жалкий обнаружив,
А ветхие мостки над желтою рекой
Болезненно качались под ногами.

Глаза собак бездомных, одичалых
Светились почему-то понимаем.

И лишь полет стремительный стрижей
Над головой в раскаявшемся небе,
И вперевалочку походка галок
Напоминали, что ведь где-то есть
Иная жизнь, что радугой раскрасит
Наш каждый день и быстротечный миг,

И тот ленивый розовый рассвет,
Что заблудился между тополями.

Какое это счастье – просто быть!
Страницы дней листаю наугад –
Не вспомнить, не вернуть, не изменить,
Да и не надо, нет пути назад.

Пионы, чей пьянящий аромат
С ума свел ошалевших соловьев,
И травами заросший дикий сад,
И все что в нем свободно, без оков

Свистит и тренькает, шуршит и свиритит
Без тягостной заботы о судьбе...

Я ж, прячась за такой непрочный щит,
Все реже вспоминаю о тебе.

Отчаянно жаль уходящих минут,
Секунды уже не считаю.
Горошины – времени кванты бегут.
Помедлите, заклинаю!

Повиснет рассвет в тополях за окном,
Мгновенье – и солнце высоко!
Секунды, не падайте за окоём,
Ведь выделил малые сроки

Нам Хронос не щедро. И как оседлать
Фотон, что со скоростью света,
Как птице с Дюймовочкой, обогнать
Нам даст уходящее лето?

Но снова июнь. Острый запах дождя,
Гудение пчёл громче ветра
И запах сирени, что, уходя,
Нам снова подарит Деметра...

Разобраться в себе – о, как это непросто,
Разобраться в других – далеко не пустяк.
И судьбу я, как нищенка у погоста,
Все прошу, чтобы жизни поток не иссяк.

Как фотон, не имею я массы покоя,
Как Летучий голландец, стремлюсь в никуда...
Иногда непонятно: зачем, для чего я?
Где моя затерялась удачи звезда?

Мой кораблик никак не отыщет причала,
Как заснеженный парк, робко жду я весны,
Чтобы вновь соловьиная трель прозвучала,
Чтоб хоть изредка снились счастливые сны.

Зачем грустить, что мало снов на свете,
Так мало снов без тени расставанья,
За школьной партой снова мы, как дети,
Под тихую мелодию прощанья.

Зачем грустить, что мы коррид не знаем,
Плащ матадора чужд и непонятен...
Недолгие занятия мы кончаем.
Твой голос холоден, слегка невнятен.

Стихи не пишутся за письменным столом
И не витают в воздухе тем паче,
И телепатия здесь явно не при чем.
Стихи - как нож у горла - не иначе...

Зачем нам тосковать о том украдкой,
Чему вовек мы кланяемся в пояс?
В кафе бревенчатом, в тот вечер краткий –
Серп месяца. И синь окна. И милый голос.

Как дикая монгольская орда,
Петля на шее, или тать в тумане,
Захватит и удержит без стыда
Мотив еще неясный, без названья.

Качаются тысячи солнц на волнах,
И тени дрожат на террасе.
И ветер, что хвоей душистой пропах,
Нам дарит горячее счастье.

Когда вокруг и мрак, и маета,
Давно уже промокли в лужах ноги,
А улица убийственно пуста,
И впереди не угадать дороги,

Над озером половинка луны
За ельник не закатилась.
А звездам-сестричкам давно снятся сны.
Она ж, загуляв, заблудилась.

Тогда вдруг резко сдавливают грудь,
И стих рождается, еще несовершенен,
И крыльев взмах его чуть неуверен,
Но он уже летит!...

И – в добрый путь!

Безбрежного неба и озера синь,
Бесшумное лодки скольженье...
И солнце – оранжевый апельсин –
Моё головокруженье!

Ну, до чего бесснежная зима!
Все перепуталось в подлунном мире,
И госпожа Поэзия сама,
Уютно задремав в моей квартире,
Не хочет подарить мне образ яркий,
Со мною побродить в пустынном парке,
Где голые намокшие каштаны,
Что сбросили давно наряд багряный,
Чуть смущены и чуть удивлены,
Застыли в ожидании весны.

Что яхты, плывут и плывут облака –
Торжественная регата.
И кажется, пристань родная близка,
Как в детстве далёком когда-то.

Вечер синие флаги развесил,
Осветил так волшебю листву.
Вышел месяц, изящен и светел,
И отходит природа ко сну.

Только здесь, в этом сумрачном доме,
В этом свете реальном, дневном
Так теплы и спокойны ладони,
Ни о чем не грущу, ни о чем.

АНДРЕЙ ЛИННИК - поэт
Диплом 2 степени

Линник Андрей Станиславович. Родился в 1970 году. Харьковчанин.

Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской Духовной Семинарии.

Член Межрегионального союза писателей Украины и Творческого союза «Конгресс литераторов Украины».

Член редколлегии альманахов «Харьковский мост» и «Артистическая бухта».

Имеет свыше 700 публикаций в периодических изданиях и альманахах.

Лауреат II Областного литературного конкурса им. А.С. Масельского в номинации «Поэзия» (Харьков, 2008). Лауреат и дипломант Международных поэтических фестивалей: «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2009 и 2010), «Чеховская осень» (Ялта, 2009, 2010, 2011), «Евпаторийская весна» (Евпатория, 2010), «Ёшкин Кот» (Керчь, 2010). Лауреат конкурса на звание «Лучший юморист 2011» журнала «Крокодил плюс» (Киев, 2011). Дипломант Областного конкурса-смотря «Молодая Слобожанщина» в номинации «Поэзия» (Харьков, 2009). Финалист I Международного литературного конкурса имени Платона Кускова (Харьков, 2011), «Конкурса Одного Стихотворения памяти Риммы Казаковой» (Одесса, 2011) и других литературных конкурсов.

Смутное столетье

Тавтограмма

Седое солнце свет слепящий свой
Струит самозабвенно-светозарно.
Сияют святки сладкой синевой,
Сочельники – старинно-самоварны.

Самара, Сызрань, Суздаль – сказок свет.
Смоленск, Саратов – ситцев самоцветье.
Столицы сероватый силуэт...
Сменило сказку смутное столетье.

Сумбур совсем смутил сердца сейчас,
Счастливым сон свинцовой стал страшилкой.
Страна страдает, слепо соблазнясь
«Свободой», самозванцем «скоро сшитой».

Смутьян симбирский смял свою страну,
Свирепостью сверхмерною стращая,
Самозабвенно славя сатану,
Славянские святыни сокрушая.

Смутьяна сумасбродного сменил
Семинарист случайный – славный Сталин.
Союз Советский – сцена страшных сил.
Садист, смеясь, спектакли смерти ставил.

Столетье страха, смерти, Соловков.
Сценарий страшен. Сумрачны сраженья.
Стране самонадеянных слепцов,
Стране святых – страданиями спасенье!

Катарсис

Сонет

Медвяный цвет июльского заката,
И вязкий зной, струящийся устало.
Весь день светило жарко припадало,
А ныне – стало долькою цуката.

Когда же ливня прозвучит токката?
«Вода – животворящее начало,
Сойди с небес, – земля в бреду стонала, –
Пусть грянут грома щедрые раскаты!»

Нисходит ночь и, словно зову внемля,
Раскосый ливень орошает землю.
Гроза приносит радость очищенья,

Шагая тяжелой поступью надмирной.
Так и душа: грехами пусть томима,
Ей покаянье даст освобожденье.

Неотвратимость

Народец наш Иудам верит
И власть вручает палачам.
И приближает царство Зверя,
Забыв слова: «И Аз воздам»...

Средь пучины буйноцветья

Сонет

Как Пастернак, – о феврале навзрыд, –
Так, видимо, и мне писать о мае.
Как не любить его – не понимаю,
Не может лучезарный быть забыт!

Мне хочется, отбросив ложный стыд,
Пред вишней, что цветёт, благоухая,
Пасть на колени, песнь Творцу слагая.
Зима ушла, а с ней – и гнёт обид.

Цветёт сирень. Черёмуха цветёт.
Фруктовые деревья и каштаны
Покрыты белым цветом, словно манны

Небесной сладкой лёг на них налёт.
Забуду средь пучины буйноцветья
Все ужасы ушедшего столетья.

Хвала Весне!

Сонет

День ослепителен. Бежит по лужам Март –
Беспечный сорванец, от счастья ошалелый.
И формулы Зимы, начерченные мелом,
Он лихо стёр с доски – мальчишеский азарт.

И неожиданно, как выстрелы петард,
Пробьются почки на деревьях обомлелых.
И юноша-Апрель войдёт походкой смелой,
Разложит чинно Май пасьянс зелёных карт.

Пока не включена ещё духовка Лета,
Пустите в серость душ лучи любви и света!
Весне слагаю песнь, хоть миллионы раз

Всеоживляющая, дивная воспета.
Но ликование пусть живёт в строке сонета.
Хвала тебе, Весна, сегодня и сейчас!

Андрей Белый

Пленный дух. Полёт. Стремленье. Танец.
Кем он был – кто сможет нам сказать?
Вспышка света? Луч? Протуберанец?
Бирюзу струящие глаза,

Лоб крутой, сократовски-высокий.
Рот в полуулыбке – Арлекин?
О Руси его читаешь строки –
Сколько в них надрыва и тоски!

Воспаряя к золоту в лазури,
Как Икар он обжигал крыла...
Бушевали мировые бури
И душа – мятущейся была.

Путь слепцов

Евангельская притча всем известна
О двух слепцах, что в яму упадут.
А на Руси – явленье повсеместно:
Незрячих нас невесть куда ведут.

Да, мы – слепцы, ведомые слепцами,
Которым слепо верим отродясь.
Неужто путь окончим с ними в яме?
Уловка бесов, значит, удалась?!

Весна в Святогорске

Донец разлился. Половодье.
В воде деревья по колено.
Светило щедро свет сегодня
На монастырские льёт стены.

Безбурен день. Лишь птичий щебет
Да звон далёкий колокольный.
Душе парить в лазурном небе
Так нынче хочется неволью.

Сегодня праздник Воскресенья,
Взгляни – природа оживает!
И воздух благостный, весенний –
Бодрит, пьянит и освежает.

Плывут чернеющие тучи,
Притихла мёрзлая земля,
И ветер, хмурый и колючий,
За холку треплет тополя.

Не разберу – где был, где небыль,
Не угляжу коварный план –
Хочу идти по белу снегу
И прятать Родину в карман.

Чтоб не досталась шумной клике,
Не разорвали на куски!
Мой люд, несчастный и великий,
Устал от боли и тоски.

Паутину плели холода,
И попалась душа, словно муха.
Что мне «сказочные» города,
Если в милой деревне разруха!

Тихо вечер зажжёт фонари,
Тихо падал снежок на дорогу,
Покаянье, Отец, подари,
Чтоб забыть мне про боль и тревогу.

Захромала хмельная душа,
От любви ей неискренней тошно.
Мимо едут авто не спеша
И в чернеющем городе тонут.

Постою у чужого окна,
Посмотрю на безмолвное небо,
Верю, Отче, что Кровь из вина
Оживет вместе с Телом из хлеба.

Мне не нужен неведомый край,
Не нужны мне чужие просторы,
Мне дороже щербатый сарай,
Где скотина ведёт разговоры.

Мне дороже неровная даль,
Где поля набухают, как вены,
И колодца немая печаль,
Что скрипит под рукою бессменно.

Мне дороже соседская брань
И кошачьи напевы под утро.
Мне дороже щавель и герань,
И клювастое кряканье утки.

Мне дороже неубранный сад
И кривая скамейка у дома.
Мне дороже родное стократ –
Оттого от чужого оскома.

Вышла зелень из всех берегов,
Путь не близок до отчего дома,
И закат краснощёкий без слов
Из небесного льётся проёма.

Прячет поле ромашковый взгляд,
Вдалеке, словно волны, овраги,
Напиталась дождями земля,
Расстилаясь цветными коврами.

Созревают алмазы веков,
И петляет мой путь незнакомо.
Вышла зелень из всех берегов...
И шагаю с молитвою к дому!

Утро

Карабкалось солнце по веткам,
Смеялись над ним воробьи,
И ливни ожившего света
Вплетались в раздумья мои.

И всё начиналось сначала,
С молитвою, без суеты,
Нас радостно небо встречало,
Свои обновляя холсты.

Дорога домой

Пахнет вечер распаханным полем.
Веселится на небе заря.
Тополь старенький молодость вспомнил,
И безмолвные тучи парят.

Позади электричка и город,
Впереди – мой посёлок родной,
Где на ниточку прошлые годы
Нанизал я нетвёрдой рукой.

АРТУР САВРАН - поэт
Диплом 3 степени

Артур Алимович Савран род. 19 мая 1956 г.
(г. Архангельск)

Автор поэтических сборников «Nota Bene»(2009г.) и «Фаза быстрого сна» (2011г). Руководитель Лозовского литературно–творческого объединения «ЛИГОС». Член ВТО «Конгресс литераторов Украины» и Харьковского отделения «Межрегионального Союза писателей Украины». Место жительства – город Лозовая Харьковской области.

Кошмар настоящего — вот садовник Эдема.
Владимир Панков.

Гляди вперёд и покажи свои грёзы...
И по красоте своих грёз ты займёшь своё место.
Ефим Честняков.

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Волнует всё нас в мире старом?
Вот Будда и Христос недаром?
А Магомет с его Кораном?
О сатанизме, Вуду
И говорить не буду.
Ищу, хочу найти ответ:
Недаром – Рерих и Тибет?
Рай на Земле – не в небесах
искать сквозь боль, страданье, страх?
Утопия и Город Солнца –
бесплодная мечта в оконце?
Коммуна, Равенство и Братство
Впредь нами будут создаваться?
Американская мечта
материальна и чиста?
Что Шамбала? Что Беловодье –
Страна Любви ?
– Ослабь поводья...
«Вопрос квартирный», день с «наваром»,
Тряпье и «тачки» – всё недаром.
Неугомонный фантазёр
ведёт лишь о Грядущем спор.
Духовно-чувственная блажь —
Вот самый главный козырь наш.
И настоящего кошмаром
Питаем грёзы мы недаром...

День прошёл, как знакомый прохожий,
Растворился бездумно, бесследно.
Дни порой друг на друга похожи,
Может, завтра придёт и последний...

А Душе взаперти не сидится –
Всё в заоблачных далях витает,
Ловит счастья беспечную птицу,
Только синий мираж ускользает...

Всё проходит, везёт только смелым,
Сказки мифами станут когда-то,
Мифы – фактами, чёрное – белым,
Ну, а белое – чёрным, ребята.

Спела молодость песни лихие,
А сегодня они просто «ретро».
Не хорошие мы, не плохие –
Время слушать, друзья, песни ветра...

Отковырнуть бы кусочек от Вечности,
Тонко намазать на Хлеб Бытия,
Притормозить круговерть Быстротечности,
Кухни Вселенной раздвинуть края.

Комплексов мусор безжалостно вымести
Вместе с осколками старых обид.
И протереть запылённые истины,
Вдребезги вазу гордыни разбить.

Выветрить дух векового уныния,
Страсти, гнетущие сердце, унять,
Вечное небо безудержно синее
С нежностью брата душевно обнять!

Какие-то нездешние глаза...
Да и сама какая-то иная.
С тобой без сумасшедшинки нельзя,
Вещей порядок скучный принимая.

А славно было бы в тебя войти,
В твой мир необъяснимый погрузиться,
Решение сомнениям найти,
Не на мгновение соединиться.

Познать и озарение души,
И взлёты творческого вдохновенья,
И ощущение: все в мире хороши,
И что любовь во благо, во спасенье.

Ворваться, словно новый аватар,
В рай не опознанной никем планеты,
Благодарить за твой чудесный дар –
Всё слышать, – не банальный звон монеты.

Хотя... зачем пустых фантазий рой
Смущает убаюканную душу.
ГЛАЗА напротив... Эти... Хочешь пой,
А хочешь – струн гитарных рокот слушай.

Растекаемся мыслью по древу
И не ведаем, что мы творим.
«Мечем бисер» направо, налево,
За грехи свои ближних корим.
Жертвой рока себя ощущаем,
Обижаясь на каждый урок,
Что от жизни порой получаем,
Отмеряя положенный срок.
Можно пить и ругаться безбожно,
Всё понять, осознать, отпустить,
Но как тяжко... Порой невозможно
Радикально кого-то простить.

В тупом топтанье – образы и звуки –
И вдруг какой-то яркий дерзкий стих.
С пером к бумаге потянулись руки –
И лай собак на улице затих.
Расплавилась застывшая усталость,
Исчезли тень сомнений, боль обид,
Уж не кряхтит «наехавшая» старость –
И зверский разыгрался аппетит.
Вновь засверкали выцветшие краски,
Пахнуло морем из степной глуши,
И Муза, томно закатила глазки...
Короче: получил оргазм души!

Луна или грош?

Художник – ремесленник или творец!
Стандартный ответ нарисую мгновенно:
Есть дар и трудяга – тогда молодец!
Всё, что написал, и столетья нетленно.
Дилемма «Луна или грош» хороша,
Когда умозрительно судишь о жизни.
А если комфорта желает душа
И скатерть дорог от рожденья до тризны?
Признание публикой – вечный инстинкт.
Кому неохота повыше подняться?
Вот только растает Луны чудный лик,
И пусть... С популярностью «гроши» плодятся.
Искусство – манифестация чувств,
А чувства прекрасны, ужасны, бесстыдны
Порой... Чей изысканный вкус
Мерило всему? Чьи плевки безобидны?
Для гения, что красотой одержим,
Искусство которого дразнит, волнует,
Чьи темы и формы, и краски – СВОИ,
Где даже уродство, как будто чарует...
И гений не слышит ворчанья судей,
Из клеток законов угрюмо следящих
За ходом событий – лишь только посмей
Шаг в сторону сделать – считай, ты пропащий.
Гоген – не ремесленник. Это творец,
Свой рай воссоздавший на острове счастья.
Капелла Сикстинская – миру венец?
А может, – та хижина, где умер МАСТЕР?

ЛЮДМИЛА ЕЛИСЕЕВА - поэт, писатель
Диплом 1 степени

Людмила Васильевна Елисеева (Лындюк) в Харькове живет с 2008 г. Автор пяти сборников, четыре из которых – поэтические. «Благословен тот миг...» (2004г.), «Симфония дождя», «Пісня пензля», „Берегиня” вышли в Кишиневе в 2006 г. „Ненарушаемая связь” – издана в г. Харькове в 2010 г. Закончила Кишиневский госуниверситет. Филолог (русский язык и литература). Лауреат конкурса 2012 г. «Человек, судьба, эпоха» в номинации прозы им. В.Г. Белинского.

Шулика¹

Окраина уже проснулась: шло звонкое соревнование петухов на самый голосистый двор. У колодцев звенели ведра. Скрипели, отдохнувшие за ночь, колеса застоявшихся телег...

– Оля! Пойдем, поможешь мне травы надергать! – раздался со двора хриловатый бабушкин голос. Девочка любила бабушку. Ей нравилось в ней все: красивые волнистые волосы и улыбчивые лучистые глаза, притягивающие к себе теплой добротой; нежные, хотя и утомленные работой морщинистые руки... Но больше всего любила Оля волнующие рассказы и сказки бабушки, придуманные ею на ходу, проникающие в неведомые глубины души, с особенной силой призывая каждую клеточку с нетерпением ждать следующей истории. Поспешно шмыгнув со своей деревянной кровати, на которой они вместе спали, Оля нырнула в утро.

Оно смеялось щедрым переливом пенья жаворонков, щебетом ласточек и стоящим высоко в небе шуликой. Острый глаз хищника высмотрел цыплят, а жесткие растопыренные когти нацеленно и стремительно направились прямо к Олиным питомцам.

– Бабушка, шулика! – закричала девочка, взмахнув метелкой, сделанной из курая.

– Гони её! Ах ты, окаянная! – застучала бабушка на птицу по какой-то железной трубке. Звук получался необычным. Встревоженные этим грохотаньем и взмахами

Олиной метелки, криками и шумной возней, цыплята ринулись под старое укрытие из оцинкованного корыта. Но птица сманеврировала с другой стороны и, нагло ухватив запоздавшего цыпленка, взметнулась вверх до того, как земляной комок плетел в неeso стороны бабушки:

– У, проклятый коршун! Унес-таки!

Закрыв цыплят в сарай и занавесив им выход старой марлевой ширмой, бабушка и внучка отправились за щирцей².

Послевоенное время гулко отзывалось в каждом дыхании. Роскошно раскинувшийся сорняк щедро простирал свои сочные листья на высоких стеблях, забывая картофельную грядку. Помощница с трудом выдергивала его «толстую силу», как говорила бабушка, а требовалось набрать побольше: «сушенная трава быстро и весело горит в кабуце³, – думала малышка, – а грядке становится легче дышать». С очередным таким корнем девочка выдернула из земли что-то совершенно ржавое, гибкое и длинноватое, точно желтобрюхая веретенница, измазанная в грязи.

– Патронташ это фрицевский, – объяснила Ефросинья Васильевна внучке. – Пять лет назад здесь была глупая и злая война... Много людей погибло. Вишь те скрещенные железные столбики за рвом? Их поставили, чтобы немецкие танки не прошли. И ров для того рыли. Всем Новым Бугом.

Объяснение повлекло за собой множество других вопросов. И девочка готовилась задать их как можно больше и побыстрее, пока бабушка не перешла на другой разговор.

– Бабушка, а ба! А зачем надо было фрицам патронташ брать и почему их называли фрицами?

1 Шулика – степной коршун

2 Щирца – сорняк

3 Кабуца – глинобитная плита во дворе

Улыбка скользнула по лицу бабушки, и она ответила:

– Хорошо, что ты этого не знаешь. Затем, чтобы всех нас перестрелять, а себе забрать то, чем мы богаты. Всю землю нашу. Как шулика – цыплят. А фриц – все одно, что Иван по-нашему, имя такое у немцев.

Быстрым взглядом окинула Оля это «все». Ей показалось, что шулику и сорную щерицу, пожалуй, и даром бы забрали – она бы даже сама их отдала! А вот вишни, розу и сирень, картофельную грядку и хату с уймой гнездящихся в соломенной крыше воробьев и ласточек она бы отдавать не стала. Бросила бы кремневым камнем или, на худой конец, комком земли по фрицам, чтоб знали! Пока она размышляла, что фрицы – это бандиты, с солидной охапкой сорняка во двор вошла бабушка:

– Подсохнет – топить будем.

Ну, конечно, Оля забыла, что не отдала бы фрицам и плиту-кабицу, построенную во дворе из глины и обмазаную кизяком. И с таким хорошим дымоходом – старым перевернутым ведром без дна. Ну прямо, как у Настенкиного снеговика зимой! И тепло возле нее – особенно, если кострой протопишь или коровьими лепешками. Нет, не отдала бы Оля кабицу. Да и дорогу – что же это? И колодец – как же без них? Да мало ли чего еще – ничего бы не отдала!

Сельский громкоговоритель голосом знакомой Олелевицы Лидии Руслановой распевал «Валенки». Потом лилась «Катюша». И Оля была на стороне орла, которого Катюша любила. Только было не совсем понятно, как он ей мог письма писать, орел?

– Я же тебя тоже касатушкой зову, ласточкой? – улыбалась в ответ бабушка. Здесь все становилось на свои места, все было понятным и справедливым.

Поздними вечерами возвращались с работы дядька Терешка и двоюродные братья Коля и Вова. Иногда, когда дядька был пьян и привозил арбуз, девочка радостно влезала Гнедку на спину и начинала рассказывать ему историю про патронташ, который убивал... Про орла, которого любили и Катюша, и Оля. А Гнедко шевелил ухом, понимая ее настроение. Разве Колька с Вовкой поймут, да еще про любовь?! Сползая с коня, Оля снова бежала к бабушке, чтобы она рассказала, как же убивает патронташ.

– Не время разговорам. Сейчас работников кормить приспело. Позже поговорим.

Насметав курайной метелкой рассыпанной с биндюга костры, девочка отнесла ее к плите, сознавая, что и она – важный работник, которого следует накормить. За обедом она пристала:

– Бабушка, ты обещала про патронташ...

– Было такое ружье, – перебила ее бабушка, – как у дяди Терешки. Видела? Только оно иначе называлось. Так вот: из него стреляли... А заряжали патронами...

– Нет, не ружье, а пулемет или автомат! – кричали наперебой мальчики, вернувшись с отцом Терентием с работы...

Вечернее радио несло по селу весть, что товарищ Сталин выиграл войну с фашистами. И что если бы не он... Оля любила выигравшего войну товарища Сталина – а как же: он победил фрицев! Но вот однажды диктор сказал о каком-то Блицкриге или Барбароссе.

– Ах, так это они придумали войну? Быструю, как молния? А товарищ Сталин их одолел?! Бедное Олино сердце готово было выскочить из груди в знак благодарности и одновременно – в знак ненависти. Ненависти – к Блицкригу и Барбароссе, а любви – к товарищу Сталину. Теперь вишни и хата с такой дырчатой соломенной крышей, дорога и цыплята, бабушка и пьяный дядька Терешка, даже противная щерица – наше! Даже хлюпавшая по щиколотку пыль – наша! И пусть они к нам не суются, проклятые Барбароссы и Блицкриги!

Вечерней порой, усевшись бабушке на колени, Оля послушно склоняла голову, куда скажет бабушка: под расческой волосы так щекотно перемещались в ласковых бабушкиных руках – шла подготовка ко сну. А братья, сев на прутики из вишняка, носились по двору, обгоняя друг друга и подзадоривая возгласами: «Цоб, цабэ!» – так они управлял воображаемыми волами, перевозящими на арбе солому...

– Эй, круторогие! Куда прете? – подражая голосу отца, гоняли мальчишки вокруг бабушки и Оли.

– Мыться, сорванцы, и спать, – строго приказала бабушка.

Прутья полетели в угол, а ребятаки, вымыв ноги и веснушчатые носы, отправились на ночлег. Ночью Оле снилось, что она из пулемета строчит по Барбароссе и Блицкригу и никак в этих двоих не может попасть... А попасть так надо! Пусть Колька и Вовка всегда бегают по двору с прутиками и колесами, пусть живут долго. И никаким Блицкригам и Барбароссам нет до них дела!

Навоевавшись ночью, девочка проснулась от того, что ветер расшумелся, и ветка розы, заглядывающая в окно, плотно прижалась к стеклу, издавая скребущийся звук. Выскочив на улицу, она подбежала к емкости с водой, которую называли противотанковой гильзой, плеснула себе в лицо и, здороваясь с бабушкой, спросила:

– А гильза эта тоже была с ручками, как кастрюля?

– Ты опять с расспросами, а потом вертишься всю ночь, спать не даешь. Вот будем печку топить, тогда и расскажу. А сейчас я насеку зелени для курочек, и ты им подбросишь: пусть поклюют, чтобы крашанки были здоровенькими, с желтым-желтым, ярким и сильным желтком. Тогда и ты будешь здоровой, если не будешь ковыряться в еде. И цыплята будут красивыми и крепкими...

Глядя на бабушку, ловко орудующую ножом, Оля сама захотела так рубануть. Достав старый нож, она размахисто ударила им по свекле. Кусок от большого пальца повис на коже, а Оля, истекая кровью, ухватила лист лопуха и, крадучись от справедливого бабушкиного наказания, ушла на знающую все ее секреты завалинку. «Ничего, – думалось ей, – я его покрепче прижму, он и прирастет».

– Оля, ты куда запропастилась? Надо лепешек принести! – окликнула ее бабушка. Но Оля, съездившись так, что плечи спрятались между колен, зажимала свою рану.

Соседская Настенка, подружка девочки, увидела ее, бледную, засыпающую, в крови и закричала:

– Бабушка Фрося! Скорей!

Очнулась Оля в кровати. Нудно воняло керосином. Его запах достигал самых дальних уголков тела. Бабушка причитала:

– Как же тебя угораздило? Почему мне не сказала? Ты же могла умереть! А так мы тебе рану обработали керосином и привязали обрубок тряпкой к пальцу... Вишь, оказия-то какая! – Ослабевшая Оля молчала. Желтые круги продолжали плясать перед глазами, а бабушка была какой-то чужой.

– Вот и доспрашивалась: сама получила ранение, – схитрила бабушка, пытаясь разговорить девочку.

...Через некоторое время обрубок прирос. Оля помогала бабушке только у плиты да еще боролась с шуликой взмахами метелки. Ей нравилось, что откуда-то появляется в хате мука и растительное масло. Тогда бабушка идет к бабе Серафиме, приносит оттуда немного кислого молока и начинает жарить пушистые блины. Магические ее движения Оля помнит цепко: вот красиво пенится щепотка соды в кислом молоке, вот растворяется соль крупного помола, брошенная по вкусу, как говорит бабушка. Вот по двору растекается волнующий запах разогретого на сковороде свежего растительного масла... И рот заполняется жадной слюной. Получив для «пробы» кусочек блина, девочка слушает, о чем говорит соседка баба Катя, у которой «чужаки» позавчера украли последнюю курицу.

Стало легче с топкой – трава почти сухая: набирай, сколько можешь. Меняются матрацы, становясь раздутыми от свежей соломы и сена. Скоро копать картошку...

Осеннее утро выдалось сухим и солнечным. Семейство собралось с тряпками и корзинами для сбора, уцелевшими ведрами и лопатами. Урожай радовал изобилием. Сияющая бабушка с особенным удовольствием приговаривала:

– Спасибо, матушка-землица! Угодила-то как, выручила-то! Слава тебе, Господи! А ведь сажали-то одну кожуру.

Носили картофель, кто в чем попало. Дядька Терешка копнул поглубже, и лопата задела что-то твердое. Ковырнув несколько раз, он достал из земли большую кость

– Снова фриц... – задумчиво произнес дядька.

– Откуда ты знаешь, что фриц? Может, наш это? – спросил Вовка.

– Может и наш. Отнесите в кювет и заройте.

Опять что-то звякнуло. Показалась гильза танкового снаряда. Оля молча наблюдала, как закапывают вырытые кости, вспоминала свое недавнее ранение, и ей так не хотелось быть убитой, что слезы градом сыпались на вырытую картошку.

– Да что с тобой сегодня? – спрашивала бабушка. А Оля молча думала, что и фрицу было больно, как ей с пальцем, что его уже и нет. Ей было жалко и наших, и фрицев, и Сталина, и Барбароссу с Блицкригом:

– Какие они дураки! – вырвалось у нее, когда в очередной раз достали человеческий череп. И она с плачем убежала на свою завалинку, где каждая травинка и козявка понимали ее, разделяя невидимое горе. Ибо каждая ее слезинка воспринималась и поглощалась природой в молчаливом согласии.

Массаж

– Стэфа... Стэфания... Стэфочка... – С каким-то нежным акцентом повторял и повторял он дорогое ему имя на все лады, то напевая, то произнося в растяжку, то полупшепотом, то кружась с нею в вальсе в одном из воображаемых старинных залов, где она была княгиней, а он, безусловно, князем.

– Откуда ты прилетела, птица милая? Почему я до сих пор не знал о твоём существовании?

– Размышления прервал голос сестры:

– Что с тобой сегодня, Вилька, не заболел случайно? Сидишь сиднем, будто и дел никаких... Разговариваешь сам с собой... Уже ребята побежали на тренировку. Или ты бросил?

– Вечно ты, Рая, пристаешь с расспросами! Думаешь, если старшая сестра, то тебе все позволено? Помучайся, я тебе не скажу ничего...

– Да я и без твоих объяснений вижу, по кому сохнешь, при появлении кого краснеешь до кончиков ушей...

– Неужели? Действительно краснею?

– Как вареный рак! Но знай: если ты не увлечешь Стэфу, ее увлечет тот, по кому сохну я!

– Не озадачивай, сестренка. Я ей не пара. Она даже не взглянет, когда проходит мимо, а меня ток прошибает до кончиков волос. Такого за мной еще не наблюдалось.

– Ты совсем младшенек, как я погляжу. Куда тебе одолеть Сережку! Совершенно несовременен! Но учти: не влюбишь ее в себя – разобьешь и мое сердце. Так что уж постарайся! А я тебе помогу.

– Прошу ничего не предпринимать без моего ведома! И постарайся не опозориться, Рая.

Сегодня тренировка была очень интенсивной: Мирча гонял ребят от кольца к кольцу, выжимая из них все возможное перед предстоящими соревнованиями на первенство между клубами. Душевые кабинки, поделенные на тонкие перегородки, не могли утаить всего, что говорилось. И Сергей, бахвалясь перед дружкой, высказывал без опаски быть услышанным свои мысли о предстоящем массаже:

– Она же стынет от моих взглядов, а я молчу, ожидая, пока сама не сознается. Но только то в ней и хорошо, что руки да красивое имя. А так – доска доской. Там и подержаться не за что: плоская, как вобла. Наверное, еще ни разу не влюблялась. Такие у нас не в ходу, – продолжал изливать он другу Стасу впечатление о знакомстве со Стэфанией в полной уверенности в своей правоте.

– Ей бы свои прелести помассажировать, чтобы подросли! Вот Ольга – другое дело...

– У тебя не в ходу потому, что такие, как ты, мне не нравятся, – услышали они рядом четкий ответ девушки. Сергей сконфужено хмыкнул, а Виля торжествовал: «Молодец какая! Хорошо, что услышала. Мне ничего не придется предпринимать».

Я – полный антипод Сереги. Но она если и обратит на меня внимание, то скорее всего только из мести... этому выскочке, который нас с сестрой мучает. И что в нем Рая нашла? Почему я слушаю его бредни, не давая отпора, как это сейчас сделала Стэффа?»

Выйдя из душевой кабинки, он отправился на массаж, где работала целая группа молодых девушек. По очередности ему выпало попасть к Ольге, рыжей, коротко стриженной красавице, с сильными натренированными руками. Веселая кареглазая девушка многим нравилась и не чувствовала себя обделенной вниманием ребят, держась, тем не менее, со всеми равно, без очевидных симпатий. Никто не знал о ее увлечениях и занятиях, но на массаж к ней шли с удовольствием: казалось, кровь закипала после ее цепких упругих движений. Разговоры в присутствии Ольги можно было вести какие угодно – на все отзывалась быстрым говорком, отвечая шутками. «Но уж очень в себе уверена, многоопытна, что ли», – не раз задумывался о ней Виля, сравнивая с предметом своей тайной страсти. И только с ним, Вильямом, как называли его ребята, она замолкала. Сережка издевательски кричал через все кабинки:

– Что ж ты, птичка, не поешь? Виле кудри молча вьешь? Опасайся, Вильям! Тебя хотят околдовать. – Запреты на разговоры на него не действовали. Он был словно заговорен на успех. Во всяком случае Виля именно так и думал, стараясь понять: как так получается, что Серега всем доволен, всем хорош и всеми любим. Не мудрено, что Рая, умная и доверчивая Рая, никому не уступавшая ни в одном состязании, в любви уступала безоговорочно и односторонне.

Дома, долго ожидая возвращения сестры со свидания, Виля с удивлением обнаружил, что непрестанно думает о Стэфании. Застыл компьютер на запрошенной странице. Телефонный звонок вздрогнул и... оборвался от резкого броска трубки на другом конце связи. «Почему я сейчас не с ней? Что за намеки высказывал Сережка в отношении Ольги? Как я должен реагировать на неё? Она действительно странно ведёт себя со мной: глаза отводит, а руки ее больше гладят, чем...».

Рая влетела в комнату, на ходу расшвыривая туфли, сумку, джинсовую курточку по местам:

– Слушай новости! Сейчас порадуешься: Стэфка наделила Серегу пощечиной при посторонних, когда он пытался поцеловать её! Видел бы ты его противную рожу! У-у, ненавижу негодяя!

– То-то говорят: от любви до ненависти – один шаг. Подождем обратной твоей реакции, и все станет на свои места. Стэффа – ко мне, Сережка – к тебе.

– Да ты же ни рыба ни рак! Кому понравится такая размазня?

– Говорят, я Ольге нравлюсь...

– А ты и доволен! Уже и духом воспрял! За что тебя любить? За красивые глазки?

– А ты за что Серегу любишь?

– Сережка – другое дело! Он балагур, красавец...

– И негодяй! Ты же только что так его окрестила? А еще обещала мне в чем-то помочь...

Рая захлопнула дверь своей комнаты.

Утро следующего дня выдалось ненастным. Пробегая с зонтом, Виля не обращал внимания на идущих рядом, стараясь поймать направление ветра и вывернуть зонт в прежнее состояние.

– Давай поменяемся, – отвечал кому-то по мобильному голос Стэфы, которая оказалась рядом. Скрытая под зонтом, она не заметила присутствия Вильяма.

От неожиданности встречи с ним в троллейбусе девушка молча подняла глаза, в которых... он увидел, нет, скорее почувствовал нечто... Выглядело это достаточно смешно: два давно знакомых человека будто онемели!

Так и промолчали всю дорогу, прижатые друг к другу стихией толпы в час пик.

После тренировки он попал к массажистке Светлане, но она по какой-то причине вышла, и через какое-то мгновение в кабинку вошла Стэфа.

– Светлану вызвали, – сообщила она как бы между прочим. – Массажировать тебя буду я.

Восторженный и... очумевший от счастья ее прикосновения, Виля не шелохнулся. По коже бегали мурашки, а ее руки, о которых он мечтал, били, колотили, вытягивали кожу и казалось: дай им волю – разорвут на мелкие кусочки все его тело. Наконец не выдержал и выжал из себя, улыбаясь:

– Я уже и не рад, что Светлану вызвали. Разве можно терпеть такую мучительницу, как ты?.. За что ты меня так? Я же люблю тебя...

Вечером Рая долго не могла дожидаться Вильяма, и только под утро он позвонил ей по мобильному: – Вот это помощь! Спасибо, сестренка. Я со свидания со Стэфой отправляюсь прямо на занятия.

Чурбан неотесанный

Дерево не слушалось. Резец устал исправлять неверные движения руки хозяина. Ему бы, резцу, самому взяться за дело – уж он бы не тупил себя понапрасну: срезал бы все лишнее противному типу, из-за которого – ни минутки покоя! Видите ли – нос ему подавай непременно с горбинкой, а ухо такое, чтоб уж было ухо: с широкой раковиной и мельчайшими вмятинками да изгибами... Не понимают, что ли, эти удивительные люди, что не схватить резцу выражения глаз, если его... нет. Все-таки, дерево ж!.. М-м-м... И как Творец ничего не напутал в человеке? Каждый – индивидуум, оригинал. Вот и вертись, соображая, как ему добавить живую искру в глазах. Не фотоаппарат же, в конце концов! Моментально не ухватишь! А вот правда, высказываются по-разному. Этот процесс у них разговором, мыслью, выраженной словом, называется. Вчера данный «оригинал» так и сказал: «В вашей работе не видно, что я – мыслитель!» Мыслитель... А работать-то над ним мне!

Да еще и хозяин поддал – теперь только держись! Ну вот, я же говорил – швырнул меня в дальний угол, будто бездельника. А по мне до сих пор то ли пот, то ли сок дерева... Не буду слушаться, если так вот небрежно со мной! И ведь подумать здраво: вчера точил женскую фигурку – ну ни одного нареkania! Все – до блеска, до шелковистости обработал. Гладил, а не резал! Таких бы работ побольше, не то, что сегодняшней тип: ни тебе кожи, ни рожи. Вытянул шею, как гусак за изгородью. Хотя для меня – с ней меньше волнений. Одного не пойму: какая необходимость вырезать его? Подумаешь, наград полно! Знаю я, как меня хозяин награждает за неумоимость! А бездельничая – не трогает. Но попробуй-ка начни работать – никакой металл не выдержит! Уже бы и подточил меня – не лишнее, хотя болезненное дело. Так поймите же – средств даже на точило не заработал! – кому нужны типы, подобные этому? Разве только ему самому да еще зачем-то хозяину... Только мараемся об него. Чурбан неотесанный! Не зря сегодня снова хозяин лыка не вяжет. Хоть мне спокойнее...

Партитура грусти

Эти двое? Но он создан был лишь для Вас!
Объяснится в дальнейшем ошибка, провал,
сбой в системе и прочие в генах дива -
песнопенно!
Видно, их перепутали, папки судёб,
в день коварный и час, что спросонья нелеп -
(Прикорнул в то мгновенье улыбчивый Феб
во Вселенной!).

Партитура вольется без грусти, светло,
прикасясь к душе предосенним крылом,
будто вовсе неважно, что сбывься могло,
но не случилось...
Только рыжих опушек карминная медь
бросит в сердце огонь, что ...не должен гореть,
но горит без конца и гореть будет впрямь -
неустанно!

Чей-то сын

У розовой воды
Склонился бересклет.
Не звезды, а цветы
Раскрыл земле рассвет.
И от лучей косых
Тепла, а не беды,
Ждет парень –
 чей-то сын –
У розовой воды.

Плетень

День прячется от солнца в тень,
Медами истекают клены.
И среди роскоши зеленой
Дремучий выстоял плетень.

Седая бабка у плетня
Носки вывязывает внукам,
Чтоб до конечной до разлуки
Успеть их всех теплом обнять.

Ведь ей кукушка не дает
Счетов на продолженье лета.
А мимолетная примета
У спиц не сдерживает ход.

А где-то дальше «ку-ку»
Смолкает, обрывая песню.
И тихо бережет окрестность
Все, что случилось на веку...

Думные облака

Вольница диких снов,
Счастьем детей очнись!
«Измы» познали слом,
Кинув без весел жизнь.
Бурно сквозь тьму гребем.
Вороны «драк»! галдят.
...Злу не бывать добром,
Не погубив себя.
Сказочен тихий плес.
В легкой дремоте синь.
Смыслы днепровских грез
Лодок клюют носы.
По-над горой седой

Думные облака...
Плотность житейских льдов –
Воском в твоих руках.

«Я эту жизнь любил!»

Очередь? Трасса спин? –
Нивелировка душ!..
Бродит унылый сплин,
будто постылый муж.
Прячет в пустой карман
бремя глухих надежд.
Кажется, жизнь сама
утомлена, хоть режь.
Блестки мечтаний
в пыль
ветер сорвал крутой –
разгоряченным был:
цацки ему на что?
Времени дивиденд
каждого знает счет.
Между враньем легенд
ждется чего
еще?
У эволюций спад:
вывели простака! –
супа тарелке рад,
хлеба куску в руках.
Но в суматохе лет
с полной растратой сил
кто-то шепнет в рассвет:
«Я эту жизнь любил!»

Нотр-Дам де Пари, Лувр, Сена...
Кто там не был в красивых мечтах?
Мне бы там побывать непременно,
Помолиться в бургундских местах
За изящество сотканых линий,
За живущих и канувших в нет...
Волновали мой ум и сверлили
Эсмеральды квадрилья, сонет,
Песни доброй старушки Шампани...
Сочинитель комедий Мольер
Обо мне бы спросил на свидании:
- Из каких же вы прибыли сфер?
Наделил бы эпитетом веским,
Подтрунил над серьезной строкой,
Нотр-Дама угрюмые фрески

Изменил бы порочно-легко.
 Я в Версале влюбилась бы снова –
 Разобраться никак не могу –
 В итальянского? – мон Казанову,
 Только жаль: он предатель и лгун!
 Коль поеду – возьму белый камень,
 Из которого шьют терема,
 Да ажур изо льна домотканый,
 Да раскатные в небе грома.
 А еще прихвачу ожерелий
 Рос пахучих в предутренней ржи.
 И слова, что омыты купелью
 Самоцветной славянской души.
 И глаза – ну куда мне деваться? –
 Откровенные (пагубна ложь!)
 Вместо важных возьму ассигнаций –
 Как без пристальных там проживешь?
 И по капле воды родниковой,
 Чтобы там, если вдруг умирать,
 Украина, ...Россия, ...Молдова
 Надо мной во единстве бы снова
 Собрались, словно брат и сестра.
 ...Все манит Нотр-Дам, высь Монблана,
 Башня Эйфеля, говор прононс,
 Виноградные склоны Валано,
 Знаменитый над Сеною мост...

Налог

Сбивает с ног висящий смог,
 Рвет острыми когтями –
 Объявлен памяти налог,
 Внедрен налог на память.
 Что ей до отческих могил?
 Забыла, что водица
 Из серебра... сквозь камень, ил
 Попасть в родник стремится.
 «Плакатно» скроена, свой срок
 И час продешевила.
 Для безработного оброк
 На ...воздух утвердила.
 Состряпала слепой проект
 Из роста деклараций,
 Да потеряла четкий след –
 Все ищет, – не угнаться! –
 Причину павшего жнивья,
 Зброшенного дома,
 Земли без ...памперсов. Семья
 Ей тоже незнакома...

Летний этюд

Заиюнилось... Бери звоны-бусы!
 От зари и до зари всем любуйся.
 По горам и по долам - звездопады.
 Возводи ...осенний храм - сердце радуй!
 И Говерле Карадаг - не помеха:
 Столько бодрости в горах, столько смеха!
 Черноморская волна нежит тело,
 И небес голубизна загорела.
 И румянится в садах плод зеленый –
 Мир природы на холстах, мир влюбленных.
 Месяц-первенец июнь и купала,
 лета волхв, шаман, колдун и ...начало.

В горсти

Очаруюсь и разочаруюсь,
 Возвращаясь к Началу опять.
 Может, первую, может, вторую
 Жизнь живу. Ни к чему их считать.
 Но весьма сознавать неприятно
 (На любой из страстных полосе!)
 Окруженья уход невозвратный -
 Дорогих мне родных и друзей.

Только в памяти чистой искрится
 Непредавшего Света ладонь.
 Только струйка свячёной водицы
 Оживляет уставший огонь.
 А в молекулах из огорчений,
 В них нашедших земную юдоль,
 Вижу море предавших. С коленей
 Им подняться, мой Боже, позволь!

Осознавшему низость мирскую
 Я готова навстречу идти.
 И по радости тихой тоскою,
 Но она уместилась в горсти...
 Может, первую, может, вторую
 Жизнь живу. Ни к чему их считать...
 Очаруюсь и разочаруюсь,
 Возвращаясь к Началу опять.

АЛЕКСАНДР ПРИЙМАК - поэт, писатель
Диплом 2 степени

Входит в руководство Харьковских областных организаций Межрегионального Союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Автор сотен публикаций, сборника стихов «Эхо белого танго». Финалист, призёр, дипломант, лауреат и победитель различных международных поэтических фестивалей, конкурсов, турниров, чемпионатов, слемов. Входил в жюри конкурса малой прозы «Рассказы о любви» Международного конкурса «Белая скрижаль». Актёр, снялся в фильмах «Дау», «Матч», «Под грозовыми облаками».

МИР

(Одуванчики...)

Одуванчики... одуванчики... одуванчики!.. – Море одуванчиков – жёлтых и уже поседевших.

Солнце – тоже – большой одуванчик, и на щеках у Светки – жёлтенькие крапушки.

Висят майские тучи и прикрывают нас от всего мира.

Медовый месяц.

Трава роскошная; а укусы ос заживут. Далеко тарахтит трактор, даже рулады лягушек громче его.

Расходятся тучи, уползают, вот и нет вовсе. Лежишь на спине – и ни конца, ни края этому бесцветно-голубоватому пространству.

Ладонка лежит на Светкиной ладонке. Мы летим в мир счастья...

Бах!..

- Это другая земля!

И мы летим друг через друга по этой упругой земле, выкатываемся через гречишное поле, и уже катимся в рассыпчатом, как сахарная пудра, снегу, искрящемся солнцем, полнившим нас, как хорошо взбитая перина, а затем и вовсе уже не видно снаружи – один ком... Мы катимся всё быстрее и наконец отрываемся по касательной к новой Земле; вслед за нами тянутся нитки маков, брызги солёного моря, струйки разноцветного песка; и чем больше скорость, тем быстрее опадают листья, пух тополиный и снежный, сахарный; и вот мы совсем, как были – в земных одеждах, но скорость всё растёт; а ветер, бьющий в лицо, врывающийся в рот, всё более сладок, одежды не выдерживают и лопаются по швам и без швов... свист и разряды; длинные волосы прикрывают нас шлейфом и стонут, как натянутые струны...

Мерцают другие миры, цвет пространства заплывает другим оттенком – сочным и... пахучим, малиново-вишнёвым... Кажется, это Марс.

Однако мы улавливаем запахи русских яблонь, различаем их нежные цвета... лес берёзок вытягивается- вытягивается и образует аллею, только маленькие веточки протягивают к нам свои листочки...

Отложенная партия

Яблоками двор усыпан райскими,
Да на нитках – «пепенка» и тмин,
Солнце над верандой щурит глазками -
Огородом бродит лёгкий дым...

Вальс танцуют осы неусыпные,
Пахнет – тут жасмин, там – миндалём...

На веранде шахматы рассыпаны –
Партии не сыгранной
вдвоём...

АЛЕКСАНДР ЖИРОВ - писатель
Диплом 3 степени

Жиров Александр Васильевич, 1944 года рождения.

В 1969 году окончил геолого-географический факультет Харьковского государственного университета по специальности инженерная геология и гидрогеология. Работает заместителем директора Харьковского государственного инженерно-геологического отделения института ГП «УкрНИИТИЗ». Соавтор трех учебных пособий по специальности.

Молочный бизнес

Судьба свела моих родителей в поселке Первомайском близ Оренбурга. В народе этот поселок чаще всего называют по имени железнодорожной станции Донгузской просто Донгузом.

В Донгузе жила моя мама во время Великой Отечественной войны. Работала на заводе, эвакуированном из города Балаклеи Харьковской области. Мой папа после ранения на фронте попал на лечение в госпиталь города Оренбурга. А после лечения был по инвалидности отправлен на работу в Донгуз на завод, где работала мама, потому что до войны папа был работником этого завода в Балаклее. На заводе папа и мама встретились и поженились.

После освобождения Харькова завод возвратился в Балаклею. Вместе с заводом приехала в Украину молодая семья моих родителей. Родители папы до войны жили неподалеку от Балаклеи, в Крейдянке. Но во время войны мой больной дедушка умер, а бабушку немцы расстреляли вместе с другими крейдянами за связь с партизанами. Семейный домик родителей отца немцы сожгли. Поэтому моим родителям некоторое время пришлось квартировать в самой Балаклее. На пепелище отчего дома папа построил незатейливое жилище, где родился я, еще до окончания войны.

Крейдянка, окруженная лесами, наводила страх на мою маму, выросшую на открытых степных просторах, поэтому она уговорила папу вернуться жить на ее родину. Мне к тому времени было немногим более полутора лет.

Отец, вернувшись в Донгуз, всю жизнь тосковал по Украине. Только быстро росшая наша семья отвлекала его от тоскливых размышлений.

В Донгузе не было пугающих маму лесов, однако родителей ожидали большие трудности. Это, прежде всего, поиски работы для папы. А маме после войны в предоставлении работы вообще отказывали как дочери репрессированного в 1937 году. Клеймо «дочь репрессированного» преследовало маму все годы моего детства.. Семья росла, денег катастрофически не хватало. Живи, как хочешь, хоть погибай. Ты неполноценный член общества и не имеешь прав тех, которые имеют другие. Кроме всего прочего, здесь также не было жилья и родители какое-то время жили где придется. Вот в этой обстановке начиналось мое детство в Донгузе.

Наша семья постепенно росла. Кроме меня родились и были воспитаны еще два брата и три сестры. Зарплата папы была небольшая, поэтому выживать на нее было невозможно. Моим родителям хотелось, чтобы я и другие дети нашей семьи выросли, выучились, вошли в жизнь полноправными членами общества и жили в нормальных условиях. Главное им не хотелось, чтобы мы, как мама с папой любили выражаться, «не крутили во взрослой жизни быкам хвосты». Что это конкретно обозначало, я так и не знал, возможно, они имели в виду, чтобы я не стал пастухом (хотя пастухом мне пришлось немного поработать в детстве). А чтобы этого не произошло, надо было родителям зарабатывать на жизнь себе и нам, детям. Больше всего родителям не хотелось, чтобы их кто-то упрекнул: «Вот нарожали детей, а толку им дать не можете!»

Маме приходилось изыскивать разные варианты заработка, дополнительно к зарплате отца, чтобы прокормить нас. Наша мама, как в песне поется, «ночей не доспала», но все силы отдала

нашему воспитанию. Мы всегда были в полной готовности что-нибудь съесть, как скворчата в нашей скворешне.

А что же ей делать, если государство не дает тебе возможности работать на производстве и кормить своих детей?

Был какой-то период в ее жизни, когда она решила заниматься продажей молочных продуктов. Как мама придумала заниматься продажей молока, не знаю. Правда пример уже был. Некоторые женщины из Донгуза уже возили в Оренбург кислое молоко. И какое-то отношение, мне думается, имела к окончательному принятию решения одна из наших соседок тетя Дора. Они с мамой решили покупать перепускное молоко в местной «молошке», делать из него кислое и откидное молоко и возить свою продукцию на продажу в город Оренбург, на Зеленый базар.. В паре им было и безопаснее и веселее, и помочь всегда друг другу могли. Позже мама всегда говорила, что они с тетей Дорой сестры по несчастью. У тети Доры было четверо детей. Их тоже надо было кормить.

То чем они занялись, сейчас называется малым бизнесом или предпринимательством. В послевоенные же годы, в спину можно было услышать пренебрежительно брезгливое: «торговка!», «спекулянтка!». Несмотря даже на то, что иногда могли ехать в одном транспорте и продавец молока, и покупатель. Вообще-то молоко не просто перепродавалось. Оно перерабатывалось. Поэтому женщины, занимавшиеся этим видом деятельности, фактически были производителями и занимали свободную нишу, которую позже заняли молокозаводы, расширившие производство кефира и ряженки.

«Молошка» это был такой дом в поселке, куда люди привозили и сдавали молоко. Кто привозил и почему, я, будучи мальцом, не знал. «Молошка» находилась не очень далеко от нас, на улице Кагановича. Эта улица была ближайшей улицей к железной дороге. Позже, когда Каганович впал в немилость, улица была переименована в Железнодорожную. Вот в одном из ближайших к нашей землянке кварталов и находилась «молошка». В отличие от нашей землянки, это был небольшой домик, к которому имелись подъезды, как со стороны улицы, так и со стороны железной дороги. Уж не знаю с кем мама и тетя Дора договаривались и как договаривались, но время от времени удавалось покупать на «молошке» пропускное молоко для приготовления своей продукции. Я иногда тоже приходил в эту «молошку». В большой комнате стоял огромный сепаратор для пропускания молока. Не буду врать, забыл уже, ручной он был или электрический, или какой-то другой. Но лошади вроде там ничего не крутили. Не помню двигателя внутреннего сгорания. Скорее всего, ручной сепаратор. На большой гудящей железяке сверху стояла большая круглая, как бы шарообразная, кастрюля с двумя рожками внизу, глядящими в противоположные стороны. В эту кастрюлю белыми алюминиевыми ведрами заливали молоко из больших алюминиевых бидонов (мы тогда называли битонами). Бидоны привозили откуда-то на телегах. Потом, когда начиналось сепарирование молока, одна белая струя, медленно заполняя подставленную посуду, лилась в одну сторону. Другая струя лилась быстро-быстро в противоположную сторону. Она была не такая, как первая. Первая была беловато-желтого цвета, густая - это были сливки. Очень вкусная вещь. Вторая струя была очень жидкая беловато-синего цвета. Это и было пропускное молоко. Пропускное молоко надо было принести домой. Потом надо было туда опустить, кажется, ложечку уже скисшего ранее молока. Сделать как бы закваску для прокисания свежего молока. Подробности этой технологии я уже подзабыл. Помню, что какое-то молоко после обработки называлось кислым, а какое-то называлось откидным. Может быть, кислое - это то, что белыми сгусточками плавало как бы в сыворотке, а откидное было густым белым однородным. Откидное молоко, на мой вкус, было менее кислым, немного похожим на сметану.

Когда молоко уже было готово, ведра с этим молоком закрывались крышками. Ведра были алюминиевые цилиндрической формы. А крышка изготовлена так, что нижняя часть ее, также имевшая форму цилиндрической поверхности, входила плотно в верхнюю часть ведра. Закрытое ведро можно в паре с еще одним ведром нести на коромысле.

В Оренбург мама с тетей Дорой отправлялись поездом. Тогда из Донгуза в Оренбург не было автобусных рейсов, как сейчас. Уезжали рано утром, потому что надо было пораньше приехать, чтобы успеть занять место, побыстрее продать молоко, купить домой в Оренбурге какие-нибудь продукты и успеть на железнодорожный вокзал к вечернему дачному поезду, который вез пассажиров из Оренбурга в сторону Соль-Илецка через станцию Донгузскую. А еще ехали рано потому, что поездов было не так много. Шли несколько поездов через Оренбург на Москву из Средней Азии и обратно. Но это, как правило, были скорые поезда. Не все из них у нас останавливались, а может, и останавливались, да проезд в них стоил дорого, и молочники не были в них желанными пассажирами.

Я с мамой ездил в Оренбург всего несколько раз, очень немного. Но я запомнил этот ужас, когда в набитый битком поезд надо залезть, да еще с ведрами и с коромыслом. Мама с тетей Дорой были не единственными молочницами с нашей станции. Женщины, естественно, рассредоточивались вдоль поезда. Когда втискивались, сначала на ступеньки, а потом в тамбур, многое выслушивали бедные женщины-молочницы. До Оренбурга всего несколько остановок: «Двадцатый разъезд», «Деятнадцатый разъезд», еще один или два разъезда, затем станция «Меновой двор», а следующая станция «город Оренбург». На всех станциях кто-то подсаживается и практически никто не выходит. Даже мне, ребенку, которого все стараются все-таки не задавить, не было сил стоять. Но как выдерживала мама с ведрами молока, которые стояли на полу вагона и, наверное, впивались в ноги? Наконец, поезд подъезжал к реке Урал. Переезжали эту знаменитую реку, как мне тогда казалось, по длинному-предлинному мосту и вскоре подъезжали к оренбургскому железнодорожному вокзалу. Казалось, что дорожные мучения закончились и можно расправить руки-ноги. Но рано радоваться. Впереди сложная посадка в троллейбус. Троллейбус не поезд и в него не могут сразу сесть все подъезжающие на поездах. Приходится ждать, пока огромная толпа пассажиров, а также горожан рассосется. Как только подходит очередной троллейбус, люди с остановки, толкаясь, не соблюдая никакой очереди, начинают лезть в него. Кажется, что мы с ведрами вообще не сможем влезть в троллейбус. Стоим и дожидаемся. Перед нами привокзальная площадь, на которую приходят троллейбусы, разворачиваются по кругу и уходят в центр города.

Но вот наступает наш черед. Мы вваливаемся, чуть не падая, в троллейбус. Этим троллейбусом едем несколько остановок и далее торопливо, с ведрами на коромысле, идем пешком на Зеленый базар. Здесь от троллейбуса уже довольно близко, всего несколько кварталов. Ближе идти от остановки автобуса, но влезть в автобус на вокзале чрезвычайно трудно.

Сейчас не все знают, что такое коромысло. А ведь в те времена это приспособление было в каждом сельском доме и служило для переноски ведер с водой или с другими грузами на большие расстояния. Коромысло замечательно тем, что снимает часть нагрузки с мышц рук за счет передачи этой нагрузки через плечи на позвоночник. Этакая, слегка изогнутая палка с крючками на двух концах. Вот эту палку люди, в основном женщины, клали себе на плечи, на крючья вешали ведра с водой, молоком, может быть мукой или зерном или другими грузами. Вот таким способом советские женщины на своих плечах перенесли «море тяжестей». Наша мама не была исключением.

На Зеленом рынке было несколько входов-выходов. Мы, кажется, входили в главный вход. Забыл уже, как там проходил процесс торговли, и где мы там стояли с ведрами. Один штрих, правда, помню: подходили городские леди, такие степенные и одетые не так, как наши донгузские женщины. Эти леди спрашивали, какое молоко на вкус и им ложечкой накладывали немножко молока для пробы на тыльную сторону ладони. Они пробовали и решали покупать или нет. По крайней мере, сметану они точно таким образом пробовали. Да и сейчас на рынке на вкус молочные продукты пробуют так же.

Помню, что мама разрешала мне отходить от нее недалеко и смотреть на витрины ларьков. Конечно, на витринах было много, очень много интересного. Я подолгу разглядывал эти витрины. Все равно надо было дожидаться, пока мама продаст молоко.

Побывать в Оренбурге мне было интересно. В те дни, когда мне посчастливилось бывать в городе вместе с мамой, я, в конце концов, обнаруживал, где-то во второй половине дня, что торговые дела подходили к завершению. Мама зарабатывала на продаже какие-то небольшие деньги, которыми надо было расплатиться за место, за ранее купленное молоко, окупить дорогу, да купить что-нибудь из еды домой. А, кроме того, необходимо что-то из денег зарезервировать на будущую покупку молока и на билеты. Некоторые продукты или дешевенькие товары, гостинцы покупались здесь же на Зеленом базаре. Что-то из продуктов покупалось недалеко от железнодорожного вокзала. В основном, там покупали хлеб. Оренбургский хлеб бывал, конечно, разный. Но был там в те времена такой белый пышный хлеб в больших круглых буханках. Такой вкусный! Такого я больше нигде и никогда в жизни не ел. Вкусен он был с прохладным коровьим молоком. Этот хлеб особенно был вкусен, если его не резать ножом, а просто разламывать руками и есть. Он был очень пышный! И еще было очень приятно, если кусок хлеба был очень большим.

На привокзальной площади и на ближайших к вокзалу улицах можно было еще многое купить. Были бы деньги. Иногда мы приезжали на вокзал с небольшим запасом времени. Можно было побродить вблизи вокзала. Тогда мне оренбургский железнодорожный вокзал казался настоящим дворцом. Недалеко от вокзала за забором были какие-то строения, от которых исходил очень крепкий аромат подсолнечных семечек, подсолнечного масла. Наверное, это была маслобойка.

Бывало, что по пути на рынок мы заходили в какие-то магазины на улице Советской, и уже тогда я заприметил, что там есть книжный магазин, в котором иногда мы покупали малюсенькие и тонюсенькие детские книжки.

Вот практически и все мои воспоминания о поездках с мамой в Оренбург по молочным делам. Но я в своих воспоминаниях не могу передать ту боль в ногах и плечах, которую испытывала моя мама, пока несла эти тяжелые, болтающиеся на коромысле ведра с молоком. Наверное, коромысло до мозолей натирало ей плечи, а ведра, болтаясь (особенно, если надо было спешить), набивали ей ноги. А в тамбуре поезда и салоне троллейбуса эти ведра врезались ей в ноги. И дыхания ей, наверное, не хватало, когда с такой тяжестью надо было спешить. Необыкновенно тяжким был этот труд. Думаю, что пока мама пыталась влезть в троллейбус или автобус, не один кулак толкнул ее в бок за неудобства, которые доставляли пассажирам наши ведра. Такая же доля была и у других женщин-молочниц. К счастью, были люди, которые старались помочь маме, посадить ее с грузом на ступеньки транспорта.

Мамины поездки с молоком продолжались не один год, но со временем этот способ зарабатывания средств на жизнь сошел на «нет».

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВ - автор-исполнитель

Сергей Юрьев (Колбасин Сергей Юрьевич) родился в 1957 году в городе Харькове, где проживаю по настоящее время с женой, сыном и тещей. Образование – высшее, специальность – юрист-правовед. Работал в милиции от сержанта до пенсии, майор милиции запаса. На пенсии занялся творчеством: исполняю в концертах свои произведения, а так же произведения других авторов (песни, стихи, монологи). Иногда переделываю хорошие советские произведения, которые уже не исполняются из-за их «советизма». Я, как бы, даю им вторую жизнь. Зрители воспринимают их с интересом, а многие даже с благодарностью.

**Старинный морской марш
«Тоска по Родине»**

Автор музыки неизвестен.
Слова: Сергея Юрьева.

1. Уходим, братцы, нынче в море мы,
Готовы Родине в дали служить.
Куда б судьба нас не забросила,
Родимый берег свой не сможем мы забыть.
2. Своей Отчизне деды-прадеды
Служили честно верой-правдою.
Сегодня мы просторы бороздим,
И честь родного флота мы не посраим.

Соло басов:

И сердце моряка щемит:
«Тоска по Родине» звучит,
Страны великой славный флот
Старинный марш ведет в поход!
Ведет в поход! (Только за вторым разом).

Трио:

1. Соленый ветер греет душу нам,
Красив фрегат, бегущий по волнам,
Но нет милей для моряка,
Чем свет родного маяка.
2. Храним традиции морския:
Нам свят «Меркурий», свят «Варяг»,
Святая матушка-Россия,
Родной Андреевский наш стяг!

А-тема:

1. Российский флот Петра Великого –
Начало славных наших ратных дел,
И Ушакова, и Нахимова
Морской старинный марш фанфарами воспел!
2. Своей Отчизне деды-прадеды
Служили честно верой-правдою.
Сегодня мы просторы бороздим,
И честь родного флота мы не посраим.

Соло басов:

И сердце моряка щемит:
«Тоска по Родине» звучит,
Страны великой славный флот
Старинный марш ведет в поход,
Ведет в поход! (Только за вторым разом).

Я приглашаю вас в Харьков.

Мой славный Харьков, ты – цветок из камня,
Любимый город, милый и родной.
Напоминаешь молодого парня
С открытой, светлой, доброю душой.

Красивы Лондон, Дели и Милето,
Меня поймите без обиды вы,
Готов я ездить в гости на край света,
Но харьковчанин я с ног до головы.

Припев:
Проспект Московский, улица Сумская,
Собор Покровский, Зеркальная Струя....
Добром искрится Первая Столица,
Ее увидеть приглашаю я!

Вас встретит наш вокзал с аэропортом,
Имеет Харьков свой особый шарм.
Вы приезжайте к нам зимой и летом,
Всегда мы очень рады будем вам.

Прошу, пройдитесь площадью огромной,
В Европе нет подобных площадей,
И прокатитесь вы на Малой Южной,
В тени побудьте парковых аллей.

Припев:
Проспект Московский, улица Сумская,
Казанский храм, Зеркальная Струя....
Добром искрится Первая Столица,
Ее увидеть приглашаю я!

Пусть кто-то скажет: Харьков слишком серый,
В нём нет Биг-Бена, ХАТОБ – не Колизей.
Но посмотрите, каков ГОСПРОМ вечерний,
В метро спуститесь – чем вам не музей?

И те, кто много колесил по свету,
Кто видел монументы Кобзарю,
Вам скажут: лучший памятник поэту
Построен в Харькове, я точно говорю.

Припев:
Проспект Московский, улица Сумская,
Собор Успенский, Зеркальная Струя....
Добром искрится Первая Столица,
Ее увидеть приглашаю я!

«Скажи-ка, дядя...»

- Скажи-ка, дядя, откровенно, как допустили вы тогда,
Что всю Европу захватила фашистов зверская орда?

- Сегодня многие не помнят, что привело к большой войне,
Как Гитлера на нас толкали и Чемберлен, и Даладье.
Когда Судеты Гитлер хапнул, вдруг Польша прибежала на дележ,
А Лига Наций промолчала, санкционируя грабеж.
Они надеялись, что ужас большой войны их обминёт,
Они не знали, что германец за сорок дней Париж возьмет.
И Лондон плакал от бомбежек, хоть были Черчилля слова,
Что ни одна авиабомба не упадет на острова....
Мы тоже дров подналомали, ведь Маннергейм – наш генерал.
А после финской, он, понятно, в орбиту к Гитлеру попал.
Но, мы оттягивали время, в душе надеясь на «авось»,
А в день войны с одной винтовкой нам драться с танками пришлось.
Но наш народ не лыком шитый, он на Алтае лил металл,
В цехах под снегом танки делал, в тылу победу нам ковал.
Слова Кутузова звучали, что хоть Россия велика,
Но нам назад нельзя ни шагу, ведь позади была Москва.
И превзошли мы подвиг славный героев дней Бородина,
Ведь в этот раз на поруганье Москва врагу не отдана....
Да, мы отдали Минск и Киев, но отстояли Ленинград,
И миру подарив надежду, собой закрыли Сталинград!
Плечом к плечу со мной сражались еврей, татарин, осетин,
И Родину не рвал на части грузин, киргиз и армянин.

Поверьте мне, в аду крошечном, сломить фашизм нам дружба помогла,
 Друзей теряя, в пункт конечный, дорога нас к Берлину привела.
 Но, сколько жертв тяжелых, страшных мы понесли на той войне,
 И потому победа наша была нам дорога втрое! —
 Чтоб мир сегодня не проспали, чтоб не пришла опять война,
 Мы вспомним, что писал нам Фучик; «Люди, будьте бдительны всегда!»

«Особые заслуги»

(Юмореска)

Девушка, пожалуйста, оформите мне пенсию «за особые заслуги». Что значит – нет оснований? Я участник гражданской войны. Почему: не может быть? Со второй женой я 15 лет состою в гражданском браке. Поначалу-то войны не было. А потом она, вероломно, без объявления напала на меня.

Было четыре часа утра. Ни один перфоратор не взорвал тишину нашего многоэтажного дома. Было слышно, как поют птицы... у меня на кухне. Там в клетке две канарейки живут. Я потихоньку, чтобы никого не разбудить, перевалился через порог в квартиру... И тут она, из засады, подло, в спину, ну и почему попало, конечно. Я сразу стал квартиру делить пополам: носом след оставляю, встать-то я не могу. Так от порога до стенки в самой дальней комнате границу прочертил, пока лбом не уперся. А она не унимается: идет сзади и ускорение мне придает. Потом врачи констатировали у меня сотрясение спинного мозга!

В общем, так началась между нами война. Вот, считай, 4 года не прекращаются боевые действия. Периодически и техника участвует. После того, как она разбила вдребезги мою электробритву... об мою голову, я спалил ей электромясорубку. А когда она пошла на меня в атаку с бензопилой, я вынужден был отступить с заранее занятых позиций до момента окончания бензина. После этого, я перешел в контрнаступление на своем «Запорожце», но эта кобыла ускакала от меня по пересеченной местности.

Затем, для улаживания конфликта и прекращения боевых действий, в нашу квартиру были введены миротворцы. В райотделе у миротворцев я переночевал до утра, а утром был приговорен судом, как военный преступник, за геноцид против человечности, к административному наказанию на 15 суток. Сейчас между нами проходят бои местного значения, без осязаемого перевеса какой-либо воюющей стороны. Почему – не смогу подтвердить? Вот - приговор суда, черным по белому прописано: «...проявил бесчеловечность, крайнюю агрессию...». Что же это, по-вашему, если не война? Ничего себе – бытовая ссора! А ранение, а оставшиеся шрамы, после того, как она ударила меня вилкой. Нет, показать не могу, но честно признаюсь, что в положении «сидя» испытываю болевые ощущения. Что говорите? Не можете оформить?

Хорошо. А как ветерану Куликовской битвы? Что значит – нет доказательств? Вот смотрите... Как что? Постановление о наложении взыскания. Вот, читайте: «...Около 17 часов на территории комплекса Куликовской битвы 1380-го года, будучи в нетрезвом состоянии..., ну, это не важно..., хотя наркомовские 100 грамм еще никто не отменял. Да, вот, читайте: «...Напал на гражданина Рабиновича Льва Моисеевича, устроил драку, переросшую в настоящее побоище». Вот, подпись, печать, все как положено. Значит, на Куликовском поле в 1380-ом году... Что еще не так? Кто – обычный хулиган? Я – хулиган? Значит, как Пересвет с Кочубеем подрались, так то – богатыри. А как я какого-то татарина отделал, так, понимаешь... Кто не татарин? Рабинович? Может и не татарин. Я что, во время сражения национальность его должен спрашивать? Смотрю, какая-то дамочка милой наружности со львом гуляет. Между прочим, в общественном месте. С каким львом? Вы знаете, я в хищниках не разбираюсь. Я больше по травоядным и тревожащим. Может этот лев бенгальский или уссурийский. Да вот же, написано: «...напал на Льва Моисеевича...».

Видите, моисеевской породы. И это еще разобраться надо, кто на кого первый напал. Я этой дамочке предложил составить мне компанию и выпить со мной на брудершафт. А это хищник начал рычать на меня и копытом бить. Ну почему – не оформите? Я же вам все документы предоставил!

Хорошо, а вот – еще справка, ликвидатор я. Нет, не Чернобыля. Чернобыль без меня ликвидировали. А я по Лозовой, что в Харьковской области. Вот, читайте: «...Во время ликвидации последствий взрыва, проник в разрушенное помещение склада боеприпасов...». В общем, я эти развалины ликвидировал в радиусе до километра. И никто даже «спасибо» не сказал. А ведь я бюджет для Украины сохранил. Саперы еще две пятилетки деньги бы проедали, а там делов-то. И заметьте, я сам милиции сдался, сам в камеру вошел, добровольно. И заперся изнутри. Потому, как саперов было человек 15-ть, и все злые. Мог бы опять военный конфликт возникнуть. Мне опять пришлось бы Родину защищать.

А вы мне навстречу не хотите пойти: отказываете герою в пенсии «за особые заслуги»....

«Свадебный проект»

Слова и музыка Сергея Юрьева.

Нежный взгляд мой тебя приманил,
Обо всем ты на свете забыл.
Пред тобой я на сцене стою,
Для тебя эту песню пою.

Привев:

Пойдешь, любимый, к счастью, как воин по
плацу,
А кто тебя обидит, схлопочет по лицу.
Ведь, мы с тобой, любимый – прекраснейший
деэт,
Ты изменить не сможешь мой свадебный
проект!

Будет свадьба, как сказочный сон,
Пусть сыграет свой марш Мендельсон:
Не себе же одной хлопочу,
Я ему хорошо заплачу.
Будет петь нам на свадьбе Кобзон,
Тамадой будет Дмитрий Гордон,
За роялем – весь вечер – Крутой!
Гостем будет и Путин с женой.

Привев (тот же).

Я оформлю наш праздничный стол,
Приглашен и Зурабов-посол,
Разукрашу я к свадьбе себя,
Ой, не забыть бы, мой милый, тебя....

Привев (тот же).

«Василий Тёркин – болельщик сборной Украины».

Нет, ребята, я не гордый, но понять вы все
должны,
Нынче надо постараться постоять за честь
страны.
В коем веке вся Европа прикатила в гости к нам,
Там голландцы, здесь вот – немцы, ну и шведы
там и сям.
Что скрывать? Мы очень ждали, и мечтою
каждый жил,
Кто-то стадион отстроил, кто-то шарфик
прикупил.
Ну, а если уж серьезно, чтоб поднять авторитет,
Я проехал Окружную: ни одной там ямки нет!

Харьков, Львов, Донецк и Киев подготовились
на «ять»!
И сегодня нам не стыдно, хоть мильон гостей
принять.
И гостей всегда мы рады угостить и удивить,
Но на поле, извиняйте, не готовы уступить.

Только вдумайтесь, приедут мировые имена:
Хави, Руни, Снайдер, Швайни, Рибери и
Бензема!

Пападопулос, Роналду, и Касильяс будет тут,
Главный швед приедет то же, Ибрагимович
зовут.

При таком иконостасе мировой величины,
Вспору просто испугаться, беспокоясь про
штаны.

И ангелы, летая, улыбались золотистым
куполам,
И слышались под сводами чарующие звуки
благовеста.

Сон ночи несет,
Несет к далеким берегам моей любви опять,
И время повернуло вспять,
Чтоб дать мгновеньем насладиться,
Как давали только свет и облака,
Где мы с тобой в руке рука...

Пусть суждено сегодня мне
Скитаться по чужой земле,
Всегда хранится в сердце край родной,
И память воскрешает то святое,
что останется со мной.
И веру укрепит, коль дрогну я, в минуту
роковую.

(Двукратный проигрыш).

**Боже, храни мой край от бед и невзгод,
Храни, не дай позабыть, не дай нам:
Что пережить пришлось и чего смогли
достичь,**

**Куда мы идем и откуда шли.
И от сохи, и от земли, и от лугов, и от реки,
И от лесов, и от дубрав, и от цветущих
спелых трав**

**К своим корням вернуться должны,
К истокам своим, отцами-дедами
завещанными нам,**

К спасенью души обязаны вернуться.
(выделенное жирным – исполняется дважды)

Песня летит, как птица вдаль,
И где-то там, в тиши лесной
Стоит, у синей речки, дом родной,
Где ждет меня любимая и верная.
И тихий мой причал,
Где вечером в саду из дома слышатся лишь
звуки полонеза.

Сон ночи несет,
Несет к далеким берегам моей любви опять,
И время повернуло вспять,
Чтоб дать мгновеньем насладиться,
Как давали только свет и облака,
Где мы с тобой в руке рука...

Там, на холме высокий храм,
К нему я в детстве бегал сам.
Любил смотреть в глаза святым на образа,
И ангелы, летая, улыбались золотистым
куполам,
И слышались под сводами чарующие звуки
благовеста.

Живи, Україна.

Текст: Павло Тичина, Микола Бажан
Музика авторського колективу та Сергій Юр'єв під
кервництвом Антона Лебединця.

1. Живи, Україно, прекрасна і сильна, -
Свою ти дорогу до щастя знайшла.
Доляя негоди, велика й суцільна,
Тернистим шляхом до свободи ти йшла.

Приспів:

Слава, тобі, Україно яскрава!
Слава Вітчизні навіки-віків!
Живи, Україно, превільна державо,
На радість своїх дочок та синів!

2. Багато минуло з тих пір як єднала,
В єдину країну нас Київська Русь.
Крізь грізні віки смак свободи пізнала,
Змінила ім'я – не змінилася суть.

Приспів той самий.

3. Народ України, здобувши свободу,
Заради країни – вперед до мети!
Козацькому роду нема переводу,
Так було, так є і так буде завжди!

Приспів той самий.

ПЕТР БОНДАРЕНКО - ПОЕТ

Родился в п. Покотиловка Харьковского района Харьковской области. По профессии инженер-механик, патентовед. Закончив ХИИТ, по направлению работал на восстановлении г. Ташкента после землетрясения. В Харькове работал в производственном объединении Харьковский машиностроительный завод «Красный Октябрь», в научно-исследовательском и проектном институте НИПИ АСУ Транс Газ. Был секретарем комитета комсомола завода, награжден дипломом с присвоением звания «Лучший молодой изобретатель и рационализатор области 1975 года» и «Медалью им. Г.К. Жукова». Поэзия является его хобби с 1963 года.

Моя Батьківщина

Батьківщин ніхто не обирає
Як і батька, матір і сім'ї.
Батьківщині кожний присягає
Бути вірним в скруті і в добрі.

Мати, батько, брати, сестри, діти –
Ми одна єдина сім'я.
Разом будувати, разом жити
Будемо і ти, і ти, і я.

Батьківщино – моя рідна мати!
Ти мені даєш своє тепло.
А чи можна матір забувати
За її любов, її добро?

Я пройшов не раз моря і ріки
В горах і пустелях побував
Але не забуду я довіку
Тих її ланів, лісів, дібрав.

Рідна мати! Ненько Україно!
Я твій син без будь-яких підстав
І завжди до тебе серцем лину
Повсякчас хоч де б я не бував.

Бачу я твої озера, ріки,
Чую як шумить старий Дніпро.
Уві сні і в день: назавжди, вічно
Я і ти – з тобою ми одно.

Може хтось у мене запитас:
„Чом така жага у тебе та?“
З гордістю йому відповідаю:
„Батьківщина в мене лиш одна!“

Я життям своїм їй присягаю
Захищати від любого зла
Бо без неї я життя не маю.
„Рідна земле! Матінко моя!“

Мужская дружба

Мне тяжело стало быть в седле:
Устал до боли.
Хочу побыть наедине
С природой в поле.

Хочу услышать запах трав,
Дыханье ветра:
Лишь потому, что я устал
От суеты наверно.

Хочу услышать пенье птиц
Я непременно.
Ведь у природы нет границ
И это верно.

Хочу упасть на землю-мать
Мою родную,
Набраться сил и вновь опять
В передовую.

Бездарно жизнь летит, течет
В какой-то спешке!
Но кто тебя сейчас поймет:
Ты свят иль грешник.

Какое дело до тебя
Всем тем иудам,
Что окружают день и ночь
Тебя повсюду.

Лишь только друг, с которым ты
Шел в жизни вместе,
Поймет тебя и окрылит
В беде и в чести.

Поддержит он своим плечом,
Не стрельнет в спину,
И за здоровье, за твое
Нальет чарчину.

Я знаю: в мире есть любовь –
Любовь мирская (мужчины и женщины),
Но есть сильнее, чем та любовь –
Любовь мужская.

Та, что проверена огнем
И солью жизни
И нет сильнее, чем та любовь
И ныне присны!

Иль ты хочешь рассказать мне
Про свою судьбу?
Да боишься, что наверно
Тебя не пойму?

Нет, не нужно. Слушай, милый,
Мне ведь ясно так,
Что судьба тебя избила
Упаси Бог как!

Но ты терпишь все невзгоды
И чего-то ждешь,
И в любую непогоду
Куда-то бредешь.

Никого не рвешь, не лаешь,
Лишь сопишь, молчишь
Фыркать даже не желаешь,
Даже не скулишь.

Бродяга пес

Ты слоняешься по лужам,
Бродишь ты по мостовой,
Но и в холод ты и в стужу
Остаешься сам собой.

Нет двора, ни дома, будки,
Нету ничего.
И живешь ты так: приبلудкой
От мира сего.

Что ты смотришь так упрямо?
Друг! Бродяга-пес!,
Смотришь умными глазами,
Опустивши хвост.

Подлец

Язык его уж больно сладок,
Но сам он так лукав и гадок,
Как старый леший и всегда
Людей толкает в пропасть зла.

Он не боится кривотолков
Ведь у него свой идеал.
Он сети зла так вяжет тонко
Что не уйдет, кто в них попал.

Порой становится однако
Он как владыка на земле
Над тем, кто не дает с размаху
Ему по шее иль под ж...

ИННЕСА ВАСИЛЕНКО - поэт

Родилась 13.02.1993 году, в городе Харькове.

Душа

Однажды вечером
тоскливо
Сидела тихо у
окна.
Гнал тучи ветер
торопливо
И не видна была
луна,

Ее глаза знакомы были.
Какой-то сердца незнакомый стук.
«Ах если б вы меня любили,
Не причинили б столько мук»
Я замерла, привычная тоскливость
Мне, вдруг, чужой представилась совсем.
Вы кто? Скажите мне на милость,
Я не вина ваших проблем.

А я, запутавшись в сомненьях,
Мечтала, глядя в пустоту.
Вдруг незнакомка, как виденье
Направилась к тому окну.

Вошла неслышными шагами,
Присела рядышком со мной.
С такими грустными глазами,
С такой знакомой в них тоской.

Немного помолчав, сказала:
Зачем ты мучаешь меня?
Мне больно так, я так устала,
Ведь ты живешь лишь для себя.

Ты знаешь о любви так много,
Ты знаешь где ее найти.
Зачем ты заставляешь долго
Страдать меня в земном пути?

Зачем ты крылья обрезаешь,
Мне в небо хочется лететь,
Зачем оковы одеваешь,
Зачем ты мучаешь, ответь?

Она достала книгу с полки,
Смахнула пыль с нее рукой.
Она не читана нисколько
Такой позорный пыли слой.

Она печальную не скрыв улыбку
Раскрыла книгу на столе,
Сказала: Ты исправь ошибку,
Чтобы не больно было мне» Но кто вы?

Сердце замирало.
Листками книги зашурша,
Она ответила:»Меня ты не узнала,
А я, а я ТВОЯ ДУША»...

Память

То ли горькая, то ли сладкая
Наша память что шоколад.
На мгновенья ушедшие хваткая,
Мысли наши несет назад.

Все тягучею ниткой тянется:
Хорошо, если совесть не судит.
Ну а если такое станется,
Что и ночью мешать тебе будет.

Вот такой шоколада горечью,
Или вкусом молочной нежности
Память сразу сроднится с совестью,
Утопая в ее неизбежности.

Может радостна, или грустная,
Неизменно красива на вид.
ПАМЯТЬ ВЕЩЬ НЕСОМНЕННО ВКУСНАЯ,
ЕСЛИ СЛАДКАЯ И НЕ ГОРЧИТ...

ЕЛЕНА ЖДАНОВИЧ - поэт, художник

Родилась и живу в Санкт-Петербурге, где корни поколений берут свое начало с конца 19 века. По образованию художник-педагог. Пишу стихи, когда поет, или грустит душа – тогда остается за ней просто записывать:

В осенних красках сад. Дождей косые струи. И в шелесте листвы рождаются стихи. На нежные лады настраиваю струны - мои стихи. Они, как листопад тихи.

«Я с тобой»

Я в бокале твоём вино,
пригуби, разольюсь теплом.
Я зарей загляну в окно,
распахни, ослеплю огнем.
По камням сбегу родником,
припади, я прохладный ручей.
Прилечу к тебе мотыльком,
закружу тебя в танце свечей.
Оглянись, ты увидишь меня,
я в траве полевой цветок.
Ты прислушайся, песня моя
в нежном шорохе волн о песок.

Не ищи меня, радость моя.
Я с тобой. Ведь ты - это я.

« Колокол»

Облаком, вспененным облаком,
Дышит, клубится туман.
Колокол, слышится, колокол,
Или тумана дурман?

Губы молчанием сомкнуты,
Память уносит назад:
То колокольца ли звонкие,
Или Голгофы набат?

Дрогнет заждавшийся колокол
Кто он, незримый звонарь?
Всяк, кто окажется около -
В колокол этот ударь!

«Таким, как есть»

Таким, как есть, быть лучше не стараясь,
Лепниной желтой зданий обветшалых,
Скороговоркой старого вокзала,
Предстал тебе, на посох опираясь.

Холодный взгляд. Сквозь сомкнутые губы
Гудит огромный улей Петербурга -
То прихоть Автора и Драматурга -
Оставить след отметиною грубой.

Поющий реквием навзрыд, взхлеб,
Колоколами содрогаясь в стене,
Обрушил город свой холодный лоб
В тепло твоих, таких родных ладоней.

«Весна»

Сквозь купола бездонной сини,
Презрев оковы, над землей,
Душа, что голос, слово, имя
Взлетает, обретая строй.

Родившись в пламени зеленом,
Струны натянутой звончей,
Летит. Расколоты бутоны
Щипцами солнечных лучей.

Парит над миром и над домом,
Над многогласьем шумных дней.
И свет, зовущий, невесомый,
Предначертаньем станет ей.

«Имя»

По кусочку стираю память
Чередой не рожденных слов
Подступает под горло паводь
Став границей меж двух миров

С тех, иных, времен и поныне
Тишиной завершаю день
Заключая в оковы Имя
Им свою обозначив тень.

ЮРИЙ ИЛЬИЧЁВ - автор-исполнитель

Ильичёв Юрий Николаевич, 05.10.1947 года рождения.

Всё как у всех: школа, работа, учёба, армия, работа, дети, внуки. Занимался туризмом, горным туризмом, спортивным ориентированием, горными лыжами, альпинизмом.

Стихи и песни начал писать с 1995 года.

Повернись ко мне удача,
Дай мне поле перейти.
Жизнь я жил, решал задачу –
Только поле впереди.

Лишь один в поле я воин.
Поле каждому своё.
В поле зверь голодный воет,
Ждёт добычу вороньё...

И всё то, что раньше нажил, -
Горький опыт, честь, долги,
Пригодится мне однажды
Если встретят недруги.

Кому должен, - я прощаю,
Там долгов, за полем, нет...
Получаю я печальный
В одну сторону билет.

Вечной жизни не бывает, -
Может вечная душа?
Да! Душа всегда живая,
Хоть за ней и ни гроша!

Деньги не нужны на поле,
Там в ходу лишь только честь,
А уж этого, извольте,
У меня с избытком есть!

Нет, нет! Не торгуют честью,
Не купить её нигде.
Если честь и совесть вместе
Выживешь в любой беде.

Человек идёт по жизни по спирали, по спирали
И должны эти повторы нас чему-то научить.
Столько всякого мы в жизни повидали,

повидали,
Но не впрок идёт ученье ни под солнцем,

ни в ночи.
Вот любовь взять для примера, - первую или
вторую, -
Столько слёз, бессонниц, нервов, но плачевен
результат.

Только после познаём мы эту истину простую,
Что любовь не умирает, - возвращается назад.
И судьба даёт возможность нам нанизывать
спирали.

Одному всё не хватает, а другому через край.
И вот он под этим грузом, что к чему

поймёт едва ли,
А другому от витка лишь ну не жизнь,
а просто рай.

Человек идёт по жизни по спирали, по спирали.

Маятник

Жизни маятник толкает
Человеческое счастье
И несчастье одночасно
Тянет маятник обратно.

И от этого качанья
Голова, порою, кругом.
Держимся мы друг за друга, -
Очень страшен ход обратный!!!

А глаза всё ж не отводим,
Чтоб не прозевать мгновенье,
Когда страшное знаменье
Маятник качнёт обратно.

Вот бы жить так: беззаботно!..
Ах, какое это счастье
Вместе с маятником мчаться,
Всё, всё зная наперёд!..

А не дай Бог остановит
Маятник своё качанье?..

Ноль градусов. Не лёд и не вода –
Такая непонятная погода.
Асфальт покрыла наледи слюда,
Над нами издевается природа.

И ты скользишь, я чувствую, сейчас
Едва передвигаясь по «стеклу»
И жаль, что я не рядом в этот раз
С тобой пляшу на «ледяном балу».

Но я с тобою мысленно всегда
И я тебя сейчас веду до дома,
Со мной не страшна мёрзлая вода,
И та твоя дорога мне знакома.

Мы к дому подойдём и у крыльца
Я заслоню собой тебя от ветра.
Я мог бы любоваться без конца
Тобой, такой волнующей и светлой.

А напрощанье, если повезёт,
Губами я коснусь руки прекрасной
И закачается небесный свод,
А это в гололёд весьма опасно.

Укрыть хочу тебя от всяких бед
И быть тебе надёжною опорой.
Беречь тебя – важней задачи нет
И солью я засыплю скользкий город.

Птица Феникс.

Ты в огне не горишь птица Феникс.
Тебя лишь очищает огонь.
И пускай польхают поленья,
Попираешь ты угли ногой.

Так бы души людские очистить,
Чтоб сгорев возродилась душа,
Чтобы чистыми стали и мысли,
Чтоб светла была жизнь, хороша.

А в огне не горит лишь святая-
Чистым душам не страшен огонь.
И душа не горит, она тает,
И стекает в людскую ладонь.

Очень жаль, если души напрасно
Так сгорят, пропадая в пыли.
Навсегда исчезает прекрасное
С лика матушки нашей Земли.

Попираешь ты угли ногой,
Ты в огне не горишь птица Феникс,
И пускай польхают поленья-
Тебя лишь очищает огонь.

ЭВЕЛИНА КАПРАЛОВА - поэт

Любовь

О, если б знал ты
всё на свете,
Имел таланты и
дары,
А также тайные
познания,
Но не имел бы ты
любви,

Любви к страдальцам и к несчастным,
И к бедным ближним и к другим,-
То ты ничто, кимвал звенящий,
Нет счастья в жизни без любви!

Любовь не ищет своего,
Не обижается нисколько,
Не даст, обиде прорасти
И стать колючей, как иголка.

Долготерпение даёт,
И милосердствует не в меру,
И зависти не признаёт,
Не раздражается, но верит!

Любовь доверия полна
И покрывает грех собою.
Она одна так велика,
Что называется «Любовью»!

Любовь не мыслит зла,
Неправде нет в ней места,
Она чиста и истины полна,
И так прекрасна, как невеста!

Не превозносится над всеми,
И не гордится лишь собой,
Всё покрывает, всему верит,
Прощает, милует, порой,
Ты удивляешься поступкам
И напрягаешься умом –
Как может так прощать проступки
Великолепная любовь?

Любовь одна на свете выше
Всех добродетелей полна.
Её источник- Бог Всевышний,
Он есть Любовь и Доброта!

Ведь только Он – творец создания,
За нас, за грешников пошел
На крест, чтоб искупление даром,
По вере каждый приобрёл!

Любовь одна не перестанет,
Хоть все когда-то мы умрём,
Но пребывают вечно с нами-
Надежда, вера и любовь!

**Посвящается моему супругу
Владимиру**

Возлюбленный, мой милый, тебе сейчас пишу.
Как хочется прижаться мне к твоему плечу,
Обнять тебя за шею и, голову склонить,
Забывать свои печали, в молчании застыть.

Так часто без причины к тебе бывало я
Гневлива, раздраженна, порою холодна,
Но, не смотря на это, ты все равно любил,
Обиды забывая, терпел, прощал и жил,

Любя меня такой, какой я была,
Тебе так благодарна за это я всегда!
За то, что утешался лишь только мной одной,
И открывал мне сердце тяжёлою порой.

Я знаю, не случайно нас Бог соединил,
Когда давали клятву в смирении пред Ним
Хранить друг другу верность и в счастье и
в беде,
В проблемах и печалях, и а радости – везде!

Ни чем не заслужила, я благодати сей,
Чтоб быть твоей любимой, иметь семью, детей,
Таких прекрасных дочек Господь нам подарил,
Дал нам любовь и нежность и благодать излил!

Теперь я твёрдо знаю, что ты – мой Божий дар,
Тебе принадлежу я, но ты не забывай,
Когда порой разлука нас разлучает вновь,
Тебя люблю и буду я в вечности с тобой!

Мне жаль не верящих в любовь

Мне жаль не верящих в любовь,
Что осуждают всех влюблённых,
Которые с безумством вновь
Всё отдают ради любимых!

Они готовы на поступки,
Что делают ради любви,
Одолеев предрассудки,
Против течения идти!

Мне жаль не верящих в любовь!
Они не знают благодати,
Что любящих хранит любовь,
И ей одной они богаты!

В век эгоизма и тщеславья,
Мы забываем о душе,
Любовь и блуд на равных ставя,
Мир обезумел во грехе!

Мне жаль не верящих в любовь,
Они и раньше пребывали,
Вели к распятию Христа
И гвозди в руки забивали.

Они не верили тогда,
Что можно так любить безмерно,
Когда услышали с креста:
«Отец, прости, ибо не ведают...»

Ибо не ведали тогда,
Что есть в любви такая сила,
Что пригвождённого Христа,
Во всём величье воскресила,

Чтоб нас не верящих в любовь,
Ждала она – небес награда,
Он заклан был, проливши кровь,
Спасенье даровал от ада!

Мне жаль не верящих в любовь,
Они её совсем не знают,
Не понимают, и даров
Её они не принимают.

Мне жаль не верящих в любовь,
Нам надо лишь понять одно:
Что Бог – и есть сама «ЛЮБОВЬ»,
И милосердия полно

Его великое прощенье,
Что покрывает все грехи,
Нас очищает покаянье,
При виде всей Его Любви!

Дети – награда от Господа

Дети – награда от Господа,
Знаешь ли ты или нет?
Не по ошибке посланы
Были с небес тебе.

Каждый из них подобран,
Точно, как ключик к замку,
Выстроен, высчитан, создан,
По твоему образцу.

И не для личной утехи
Ты получила себе,
Но для особенной цели
Бог дал им жизнь на земле.

Чтобы училась ты больше
В жизни людей любить,
И пострадав от обиды
Смогла всех понять и простить.

И не напрасно не спала,
Ночью, забыв обо всём,
Тихо молитвы читая,
У изголовья, потом

Снова взлетала на крыльях
Над суетой будних дней,
Смело, ведя их по жизни
Самых любимых детей!

Часто хотела построже,
Их за грехи наказать,
Боже, как это похоже,
Что твоя делала мать!

И забывая проблемы,
Сеяла снова любовь
В их нераскрытые души,
Чтоб они выросли вновь!

Выросли... Господи, что же?
Теперь отпустить их пора,
В плаванье по бездорожью
Жизни, отдав паруса!

АНТОН СЕРЕНКО - поэт

Антон Серенко – 23 года

Стихи пишет с детства.

Имеет музыкальное образование.

В 2012 году закончил Харьковский Национальный медицинский университет.

Активно участвовал в культурной жизни университета, лауреат конкурсов «Студенческая весна».

Добилась...

Не подходи... Меня не трогай!
В глаза мне больше не смотри!
Останься здесь, а я – в дорогу.
Меня из памяти сотри.

Я уйду... Ну что? Довольна?
Ведь ты же этого ждала?
И не надейся, мне не больно.
Меня «убить» ты не смогла.

Во мне все рухнуло навеки.
Остались только плоть и кровь.
Кричу я: «Люди, “человеки”!
Не верьте никогда в любовь!»

Ты не права... Хотя – не важно.
Тебе такого не понять.
Я виноват, что так отважно
Себя пытался навязать.

Прости меня за эту глупость.
Я не напомню о себе.
Я осознал, все это – тупость.
Но сердце отдаю тебе.

От высоты того полета
У нас перехватило дух.
Ты закричала громко что-то,
Но огонек в глазах потух.

Я знаю, мы не будем вместе,
Но от того мне проще жить.
Не нужно нежностей и лести,
Об этом можно позабыть.

Ты не свободна – это ясно.
Пускай. Я то переживу.
Хоть наша близость так опасна,
Я вновь тебя к себе зову.

И ты идешь ко мне на встречу,
И снова вместе мы на час.
Но я не зажигаю свечи,
И «завтра» будет не для нас.

Прости, забудь, уйди на веки!
Меня собою не тревожь!
Мне ночь опять опустит веки,
Я вновь усну – ты не поймешь.

Жизнь все же не стоит на месте.
Еще возможно все забыть.
Я знаю, мы не будем вместе,
Я лгал – я не могу так ЖИТЬ...

Стол, плитка, маски, яркий свет...
Наркоз, введенный внутривенно...
В мозгах – как будто пьяный бред.
Слова: «Жить будешь непременно!»

Полет над телом... Как легко!
Катетер в вене, кровь, перчатки...
Зажим в брюшине глубоко,
Бинты, пеленки, вата в скатку...

Потом – туннель. Там – никого.
Лишь свет в конце. Но так не близко!
И снова тело. Вновь легко.
Над телом головы так низко!

И вдруг – хлопок, еще хлопок.
Поднялись веки, снова лица...
Ведь это – жизнь! От счастья – шок...
И может врач собой гордиться...

Как хочется любить девчонку,
В вечернем сумраке гулять,
Переноса через лужонку,
На руки даму нежно взять.

Подвинув пальцем прядь, на ушко
Шептать любовный глупый бред,
Назвать девчонку сладкой душкой,
Сказать, что лучше в мире нет

Её волос, прямых и чёрных,
Её простых и нежных рук,
Её зелёных отрешённых
Глубоких глаз. Вот Божий трюк!

Её невинное дыханье
Мне так приятно ощутить,
На долгожданном на свиданье
О неприятностях забыть.

И, взявшись за руки подняться
Под облака и выше них.
И лишь с любимой не бояться
Высот и серых туч больших.

Но верьте глупому писаке,
Что нет взаимности в любви.
Один лишь предан как собака,
Другой сбежит – и не зови!

Поэтому возьмите в руки
Свой гнев и пыл, любовь и грех.
И без любовной страшной муки
Себя любите без помех!

Вновь пульс заставил думать о былом,
А мозг молчит, ему это не нужно.
Он позабыл твой взгляд, глаза твои,
Что для меня всегда светили дружно.

А ты опять ко мне пришла во сне...
Холодный пот покрыл все тело быстро.
Ты навсегда теперь живешь во мне...
Зачем все это? Что-то здесь нечисто!

И я опять собраться не могу,
Забыть все то, что было между нами.
Унять свою сердечную пургу,
Сказать, что мы останемся друзьями.

Зачем тогда мы встретились с тобой?
Зачем, забыв про все, в любовь играли?
Ведь ты другая, я совсем другой!
И оба мы всегда об этом знали!

Прости меня за то, то я живу,
За то, что в жизни я тебе попался,
За то, что я во сне тебя зову,
За то, что я в любви тебе признался.

Так знай, ты не должна мне ничего!
Прошу одно, верни мне мое сердце!
И пусть оно умрет без твоего,
Но навсегда закроет в душу дверцу!

И...

И мокрый асфальт, и деревья кривые,
И рядом она, а как будто бы нет.
И с ней вы как будто друг другу чужие,
И меркнет меж вами волнующий свет.

И снова она, и опять он пылает,
И кровь закипела, и сердце стучит,
И все же его она не замечает,
А он лишь молчит и тихонько грустит.

СЕРГЕЙ СТЕЦЕНКО - ПОЭТ

Преподаватель в школе, член группы христианских поэтов «Дерзновение», женат.

Велик Господь. В любом мгновенье
Его я вижу отраженье,
Гляжу на чудную природу,
И удивляюсь небосводу.

Я изумлён Его делами,
Я благодарен, что Он с нами
Я потрясён Его любовью,
Спасен от смерти Его кровью.

Признателен за Благодать,
Что Он готов любому дать,
За милости Его во всём,
Чем только дышим и живём,

Велик Господь! Слов не хватает,
Тому, Кто Бога прославляет,
Его величье вне предела,
Слава вне всякого удела.

Он неизменный – был и будет,
Своих детей Он не забудет.
Спасёт нуждающихся в Нём.
И освятит святым огнём.

Велик Господь и всемогущ,
Он достославен, вездесущ,
Он мой Господь, и со смиреньем,
Хочу Его быть отраженьем.

Мой путь извилистый, тернистый,
Насыщен множеством преград,
Я был и наг на нём и нищий,
И в чём-то сказочно богат.

Шагал порою я незряче,
И шишек много получал,
Но я не мог бы жить иначе,
Пусть плохо жил, но всё же жил.

Не накопил я ни богатства,
Ни славы скользкой у людей,
За то был верен узам Братства,
Был в уважении друзей.

Моё богатство - это годы,
И седина моих волос,
И что пройдя через невзгоды,
Мне зачерстветь не привелось.

Пусть не сломал, а укрепил,
Дал мудрость многое понять,
Я Бога встретил, и Он влил
В больную душу Благодать.

Я счастлив, что теперь я с Богом,
И что теперь мой путь прямой.
Что незатейливым сим слогом
Могу сказать – мо путь домой!

Я слова роняю, словно клен листву,
Их в венок сплетаю, и вяжу и рву,
Мысли сокровенные обретают плоть,
Нежно проливаясь среди рифм и нот.

Брызжет на стихи синева небес,
Среди строк порою взвонивает лес.
То ласкает солнце, то дожди идут,
А слова то славят, то наотмашь бьют.

Я слова роняю, плету кружева,
А за мною тянется, как ручей, молва,
Кто-то ободряет, ну а кто-то нет,
О себе незримый оставляю след.

Плещут нежно волны, шелестит листва,
Я же на бумагу лью и лью слова.
Словно тихий дождик падают они,
Провожая в Вечность прожитые дни.

Не сотвори себе кумира
И не молись ты на него,
Не стоят все богатства мира
Любви Создателя всего.

Не сможет грешный мир во веки
Стать наравне с Самим Творцом,
Всё лучшее, что в человеке,
С небесным связано Отцом.

Любовь и благодать Творца
Даны для всех без исключенья,
Но путь находит тот к Отцу,
Кто за грехи просил прощенье.

Любовь Отца, Творца вселенной
Спасенья дарит благодать,
Решает каждый: быть ли тленным
Или спасенья дар принять.

Не сотвори себе кумира,
Спасенья час не прозевай,
Не стоят все богатства мира
Души спасённой. Так и знай.

Друзья, мне снятся ваши лица,
Друзья мои, где вы теперь?
Вы выпорхнули словно птицы,
Забыв родного дома дверь.

Одни на север улетели,
Других привлек навеки юг,
Стеречь вишневые метели
Остался, ваш верный друг.

Смотреть вечерние закаты,
Тонуть в безбрежии лугов,
Я вспоминаю как когда-то
Носилась стайка пацанов.

Им было море по колено,
И, выпачкав за день штаны,
Зарывшись в пахнущее сено,
Мечтать любили пацаны.

Но годы быстро пролетели,
Нет прежних пацанов.
Все возмужали, повзрослели,
Покинули родимый кров.

Друзья, мне снятся ваши лица,
Друзья мои, где вы теперь?
Вы выпорхнули словно птицы,
Забыв родного дома дверь.

Железный конь железною дорогой
Везёт меня в неведомую даль.
Объятый непонятною тревогой,
Я уезжаю из страны убогой.
Вот только покидать её мне жаль!

Роднее стали рощи и долины,
Сверкающие золотом поля.
Небес бездонные глубины,
Плеск моря, гор манящие вершины.
Прощай навек, прощай, моя земля!

Не оторваться от окна вагона,
Смотрю, смотрю до рези слез в глазах.
И разрывается душа от внутреннего стона,
Оглух совсем от странного я звона,
Всё позади! Вернусь сюда лишь в снах.

Железный конь бежит без остановки,
В страну чужую уезжаю я.
Знакомые ещё видны пригорки,
И с губ слетает шепот горький:
«Прости за всё, прощай страна моя!»

НИКОЛАЙ СУХИНИН - ПОЭТ

Родился в Воронежской области.

Стихи писал с детства, но не придавал им должного значения.

Позже печатался в газетах Белгородской, Харьковской областях, в городах Харькове и Киеве. Автор сборника «Ведогонь», член Харьковского отделения МСПУ.

Журавли

Весна запоздала. Прохладой
Незримо несет от земли,
А над моим палисадом
На север летят журавли.

Они там, на севере дальнем,
Взрастят новый клин, молодой,
Который с осенней печалью
Промчит над моей головой.

Встречают весну не до срока
В знакомом, родимом краю
И каждой весной ненароком
Уносят и душу мою.

Там дух наполняется силой
И солью родимой земли...
А над моею Россией
Летят и летят журавли.

Когда вечерняя заря
В багряном небе угасает
Лучистым золотом горя
Звезда над домом зависает
И сединою убелен
Старик больной и одинокий
Выходит снова на балкон
Звезде на встречу, взгляд глубокий
Его на небо устремлен,
И он уже не одинокий.
Ведь он, как в юности влюблен

В манящий свет звезды далекой.

Быть может ранняя звезда
В его судьбе была пророком,
А может в творчестве всегда
Неиссякаемым истоком.

Весенним вечером вода
Застынет медью у затона,
А в майских сумерках звезда
Опять повиснет над балконом.

Рассказ попутчика

В Сибири был когда-то я рожден
И в паспорте записан я как русский,
Мой дед на Украине погребен,
Жена моя из пригорода Курска.

Я сибиряк и буду им навек,
Отец херсонец, мать из Казахстана.
Я был простой советский человек,
Чтил Библию и суры из Корана.

Не думал я серьезно никогда,
На мать ли больше, на отца похожий,
А ныне паспорт в наших городах
Все чаще проверяют и все строже...

Граница. Поезд замедляет бег,
Зажегся свет лилового оттенка
Напротив плакал смуглый человек
С фамилией простой --Пономаренко.

ВАЛЕРИЯ ЩИПОВА - поэт

Щипова Валерия Геннадьевна, 1988 г.р. В 2010 г. закончила Харьковскую Государственную Академию Культуры, специальность «Менеджмент организаций». В 2011 г. стала победительницей городского этапа конкурса «Молода Слобожанщина» в г. Лозовая, а также получила сертификат об участии в областном конкурсе-смотре молодых писателей «Молода Слобожанщина». С апреля 2012г. – член лозовского литературно- творческого клуба Лигос.

Опять кажусь немного странною,
Читая книгу бытия.
И вы, наверно, пальцы ранили
О будней острые края?

Живу просроченными чувствами.
Мои желания немы.
Зачем речами безыскусными
Прельщают зрелые умы?

Хочу остаться неизвестною,
Сыграв предписанную роль.
Когда же слезы стали пресными?
Куда исчезла жизни соль?

Уж не делюсь своими планами,
Мечты заветные тая.
И вы, наверно, пальцы ранили
О будней острые края?

ВЛАДИМИР УЛЬЧЕНКОВ - ПОЭТ

Член группы христианских поэтов «Дерзновение», женат, имеет две дочери

Удивляйтесь, люди! Трепещите, звери!
Принимайте вместе необычный вид...
Потому что дома, за закрытой дверью
Человек в молитве с Богом говорит!

Человек в молитве ... и молитвы эти
Открывают небо. Рушится гранит.
Человек в молитве – значит на планете
Будет меньше ссоры, зависти, обид.

Человек в молитве... дальше от неверья
Очищает душу, удаляет грязь!
Человек в молитве за закрытой дверью
Полагает с Богом Всемогушим связь.

Мне подключили Интернет,
Теперь минуты вольной нет.

Желаю многое успеть,
Однако манит круговерть.

От пота мокрое чело
Не успеваю ничего:

Кругом завалов груды
И грязная посуда.

Я просыпаюсь рано,
И снова у экрана.

Где Гигабиты дивно
Перетекают в гривны.

Всё вовлекает интерес
В глобально-мировой процесс...

Мне надо многое успеть,
Но вижу, что ... ПОПАЛ Я В СЕТЬ!

Я вижу горы, своды небосклона,
Я вижу реки, рощи тополя...
Хотя всего я видеть недостоин,
Но в этом милость, Господи, Твоя!..

Есть место где страдания и стоны,
Не песни в месте этом, не стихи,
Вот этого я, Господи, достоин,
За все свои смертельные грехи!

За все мои безумные гулянки,
Что я служил не людям, но вещам...
За то, что я снаружи, не с изнанки
Себя от грешной жизни очищал...

Но Ты с небес спустился на Голгофу,
Померкнул даже солнечный овал,
Чтоб ныне поэтическую строфу
О милости Твоей я рифмовал!..

Я знаю Ты придёшь, Спаситель, скоро,
Лишь стоит только Ангелов послать
Ты соберешь всех грешных недостойных,
Которых оправдала благодать!

Ты подарил небесные просторы,
Мне подарил небесные края!
Я этого, Господь мой, недостоин,
Но в этом милость, Господи Твоя!

Без ГМО!

Я порой в беседе с братом
Утверждал такую мысль:
Не хочу на суррогаты
Разменять земную жизнь!

Много в мире фолиантов,
Много в мире разных книг, -
Жить хочу без консервантов,
Без нитритов, без интриг.

Вы, конечно, извините,
Я поставил на финал!
Уберите заменитель -
Выдайте Оригинал!

Людам нужно Слово Божье,
Сложно людам без Него!
Ничего не надо больше!
Жить хочу без ГМО!!!

Ты металась, словно птица,
От начала и до края.
Бесполезно всё стучится
Дверь никто не открывает!

Ты ругать хотела матом,
Перепутав дни и сроки,
Ты стучалась к адвокатам
И к начальникам высоким.

Ты искала снова место,
Обратилась к домочадцам.
Бесполезно! Бесплезно,
Всё равно не достучаться.

Надо, может быть, смириться,
Бог над всем повелевает!
Это Он к тебе стучится,
Но никто не открывает

Плагиат

Написал я строчки,
Но тому не рад!
Запятые, точки
Точно плагиат!

Буквенного знака
Робкий силуэт.
Так писал, однако,
Кажется, поэт!

Словно на вокзале
Смена бытия.
Всё уже сказали
Люди до меня!

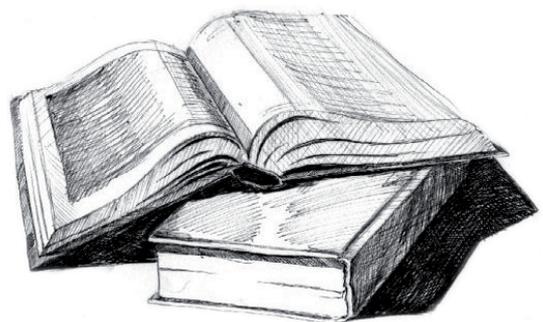
Не один встречаю
Раннюю зарю.
В суетной печали
Я лишь повторю.

Двигаюсь по жизни
В молодые дни.
Излагаю мысли.
Мысли не мои!

А на книжных полках
Авторский парад.
Не читаю! Толку?
Будет плагиат!

Я опять рифмую
Подбираю слог,
Хотя жизнь земную
Подарил нам Бог!

Он раскинул звёзды,
Подарил закат!
Что стихи и проза?
Жизнь вся – ПЛАГИАТ!

ЕЛЕНА ХИТУШКО - ПОЭТ

От «минуса» до «нуля».
Подмёрзшие лужиц края.
Жест отчаяния.
Какая там церемония чайная,
Дорогие мои друзья.
Мои безумно дорогие,
Не вымышленные, а найденные,
Сиречь настоящие.
Как золотое колечко
В заветном ящичке.

Остров торта
У картонного борта
Учтив донельзя.
– Здравствуйте, здравствуйте!
И крем масляный,
Помадка с орехами.
Не зря ехали.
Смелее, смелее!
Целься!
От Цельсия до Парацельса
Всё дело в перепаде температур.

Текст теста,
Шоколадной ладьи текстура.
Темпера и пастель.
Заданная фигура,
Серебряная канитель.

Готово. Замёрзло. Можно чашку ставить.
Чашка не корабль, скорее утёс,
Если опрокинется.
Да, да, там «до» первой октавы,
Его не найти невозможно...
Это так просто, до слёз.

Навек отравлен этим городом,
Где мало истинных романтиков,
Где взвесь песка и ярких фантиков,
Как будто гуща в кофе молотом.

Зелёных листьев оперение,
Асфальт подлатан плиткой пёстрою,
Ещё недавно дух сиреневый
Все переулочки захлёстывал.

Гармонии коснувшись подлинной,
Роняет цвет сухой акация,
Неужто жизнь всего лишь акция?
Неужто будет осень в Болдино?

Столб световой на потолке,
Две полосы на шторах
Сместились в угол. Вдалеке
Как отголосок – лай.
Синица замерла в руке –
Воспоминаний ворох –
Я отпущу её сейчас –
Была и не была.

Была, конечно же, была,
Хранят тепло ладони,
И сколь ни крутится вокруг
Самой себя юла,
Но стоит прекратить игру,
И тихо станет в доме,
И птица вылетать в окно
Открытое смогла.

Ничего не бывает потом,
Разве только наснежит дорогу,
Заметёт и фонарь одноногий,
И прищуренный маленький дом.
И прозрачных сосуллек рядок
Окаймит невысокую крышу.
Снежный рой устремляется выше
Тёмной сетки густых проводов.

Невозможно ничто возвратить,
Только сумерек зимних дыханье,
И морозное благоуханье,
И непрочную белую нить...

Небывалый узор на стекле,
Как волшебной мозаики оттиск,
Как холодного пламени отблеск,
Как жар-птицы завьюженный след.

Возможность выбора

Кусочек на блюде с каёмкою тонкой,
Витой, золотою, манит.
Пространство звенит двухголосым дифтонгом.
Прислушайся только – звенит.
Земные же звуки – от хлопанья ставен
До всхлипов и хлопанья рук
Сейчас переходят, встают, вырастают
В немой ультразвук.

Заветным не будет ни слово, ни кроха.
В реальность уходит мираж.
Волны океанской немыслимый грохот –
Вселенский чудной антураж.
Солёными брызгами, пеной морскойю
Обдаст параллель,
Но глобус всегда на полке всегда под рукою –
Крути, коль не лень.

Вот шар закружился и пульс участился,
Гляди, убежит...
На блюде кусочек совсем искрошился
И снова лежит
Кусочек на блюде с каймой золотою...

Мы отвыкли от зим, вновь и вновь
пережив межсезонье,
А недавно ядрёный мороз укрепился
со снегом и льдом,
Не укрыться от ветра, и ноздри забило озоном,
Лишь дорога белеет и окнами светится дом.
А бывало в Голландии, помнишь,
скрипели полозья?
От щедрот подмастерье добавил
к лазури белил,
Дремлет чёлн на реке, до весны
оставаясь порожним,
И фигурки людей, будто сказочный
дух оживил.

Всё приходит в движенье, и твердь из
воды под водою
Покоряется тренью и брызжет
легонько снежком,
И обличье луны вслед за первую
бледной звездю
Отливает небесным, но всё же
земным молоком.

Так листя падає, неначе хтось іде,
Так листя шурхотить,
Неначе щось шепоче.
Неначебто сказати хоче –
Це листопад іде поміж людей...

Про швидкоплинний час

Камінчики різнобарвні,
Бавиться з вами хвиля морська...
А чи ви пам'ятаєте час,
Коли маленький Зевсе
Бавився вами?

ВАЛЕРИЯ ЮРЧЕНКО - поэт

Юрченко Валерия Валентиновна, 34 года, уроженка Харькова, преподаватель Харьковского Национального Экономического Университета, прихожанка Свято-Пантелеимоновского храма, г. Харькова.

ДЕТСТВО

Зарываюсь головой в песок,
Упираюсь в небеса ногами!
Я прошу Вас, угадайте сами:
Быть ребенком плохо?
Хорошо?

В. Ветрова

Моё

Знать, как Венера рождалась из пены,
Как Трои разрушили из-за Елены,
Как обезумев от чар Клеопатры,
Антоний поставил корону на карту,
Как мчалась на диком коне Амазонка,
И понимать, что ты – лишь девчонка,
Что слава красивым и смелым достанется,
Что ты в этой жизни за кадром останешься,
Что любят безумно только красивых,
СКУЧНО, ДОСАДНО, НЕВЫНОСИМО.
Любовь, это бред, это глупость наверно,
Но как же тогда Клеопатра с Еленой?

Думать о будущем – попусту мучаться,
Легче от этого точно не станет,
Яркой звезды из меня не получится,
И в тусклые лампочки как-то не тянет

Буду долго изводить бумагу,
Наводя рисунок карандашный.
Брызги пенистой соленой влаги
На губах оставил сон вчерашний.
Как обычно, жизнь с мечтою в споре,
Но забыв о вечном их раздоре,
Я сижу опять рисую море...
Как же я хочу увидеть море!

Жаль, что жизнь нельзя прожить поэтом.
Жаль, что жизнь нельзя прожить бродягой.
Я бы нарвала под солнцем летним
На лесной поляне спелых ягод.
И пошла бы дальше беззаботно
По тропинке солнцем разогретой.
Жаль, что жизнь нельзя прожить свободной.
Жаль, что жизнь нельзя прожить поэтом.
Я б стихи в заброшенной сторожке
Сочиняла, спрятавшись от ливня.
Жаль, что это просто невозможно,
Жаль, что жизнь нельзя прожить счастливой!

И не только...

Мы ходим по разным травам –
я и моя подруга:
Она – по ярко-зеленой, высокой,
почти по колено,
А я – по обычной, пыльной,
с бумажками от конфет...

Мы смотрим в разное небо –
я и моя подруга:
Она в нем пасет бегемотов
у озера африканского,
А меня облака не радуют –
кажется, будет дождь...

Поем мы разные песни –
я и моя подруга:
Я – те, что учила старательно в школе
и после школы,
А она – обо всем, что видит,
словно узбекский акын...

Гуляем мы, взявшись за руки, –
вдвоем, но по разным улицам,
Вдвоем, но такие разные – я и моя подруга...
(моя племянница, Машка, пяти с половиной лет).

Попалась...

Теперь от вопроса о счастье уж точно
не отвертеться.
Жизнь делится на две части: *во время*
и после детства.
«Во время» все очень просто. О счастье
одни ответы.
О нем еще нет вопроса. И счастье именно
в этом.
А «после» в отместку за взрослость жизнь
снова дробится на части.
Опять – на «во время» и «после». *Во время*
и после счастья.

ВЗРОСЛОСТЬ

О литературе...

Туманная нежность Блока
И вьюжная ночь Пастернака, -
Прохладные, терпкие строки
Чувствующих **инако...**

Люди, которым по силе

Звезды черпать из колодца,
Вы помните, как поили
С ладоней ребенка-уродца?
А я не просилась в дочери,
В наследницы звездостишия.
Но можно я буду побочною,
И тоже – **инакодышащей?**

Как загадочно, странно, капризно,
Ваше имя, Бедная Лиза!
Повесть в стиле сентиментализма:
Карамзин. Бедная Лиза.
Как упрек и чуть ли не вызов:
Ах, несчастная, Бе-едная Лиза!
Но какие же все-таки дуры
Утонченные эти натуры!
Существа особой породы –
Не сложилась любовь –
в воду!

Mademoiselle, скажите на милость,
А если большее не сложилось?
Если туго с надеждой и верой?
Что же дальше? Бедная Лера?

Таня? Света? Оксана? Марина?
И так далее – список то длинный.
За два века не стало меньше
Нелюбимых и брошенных жещин
Если счастливы единицы,
Что же всем остальным – топиться?

Я вчера перепутала зелье,
Опоила кого-то стихами...
Обо мне напиши, Коэльо!
С этим, как его,
С Мураками.

Поучительной выйдет книжка
Медсестрички армии света,
О девчонках и о мальчишках –
Недолюбленных, недогретых –
Обо всех кто до самораскола
Строит «счастье» своими руками
Вы осилите тему, Паоло?
Так попробуйте! С Мураками.

О счастье...

Забывшие в поисках Бога
О клевере при дорогах,
Мы часто уныло хнычем,
Мол, счастья у нас немного.
А рядом живут закаты,
Цветы и конфеты с чаем,
И мы до того богаты,
Что сами не замечаем.

В Храме

Тает воск от тепла руки,
Погляжу в глаза Богородице.
Ты прости мне мои грехи –
Все, какие за мною водятся.
Тихо в храме. Молитву шепча,
Кто-то рядом кладет поклоны,
Согревает мне пальцы свеча,
Отвечает взглядом икона.
Грех молиться вот так –
О пути Христианском
И счастье языческом.
Не оставь меня и прости
За молитву такую, Владычице...

СОДЕРЖАНИЕ

Ли́на Пя́так.....	4
Ю́рий Ильи́чѳв.....	5
Ири́на Ко́нихина.....	5
Ольга́ Андру́с.....	6
Та́тьяна Сто́гова.....	8
Андре́й Линни́к.....	12
Алекса́ндр Коно́пля.....	14
Арту́р Савра́н.....	16
Людми́ла Елисе́ева.....	18
Алекса́ндр При́ймак.....	26
Алекса́ндр Жи́ров.....	28
Сergéй Ю́рьев.....	32
Петр́ Бонда́ренко.....	38
Инне́сса Васи́ленко.....	40
Ири́на Кузнецова.....	41
Еле́на Жда́нович.....	42
Ю́рий Ильи́чѳв.....	44
Эвели́на Капрало́ва.....	46
Анто́н Серге́нко.....	48
Сergéй Сте́ценко.....	50
Никола́й Сухи́нин.....	52
Вале́рия Щи́пова.....	53
Влади́мир Ульче́нков.....	54
Еле́на Хиту́шко.....	56
Вале́рия Ю́рченко.....	58

Человек, судьба, эпоха...

Литературный альманах

Верстка и дизайн Комар О.В.

Подписано в печать 04.07.2012
Гарнитура "Times New Roman".
Печать ризографическая.
Тираж 250 экз.